

СВЕТЛАНА АЛЕШИНА

Бег впереди паровоза

Сериял «Панарацци»

Папарацци

Светлана Алешина

Бег впереди паровоза (сборник)

«Научная книга»

2005

Алешина С.

Бег впереди паровоза (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2005 — (Папарацци)

Если бы Ольга Бойкова – главный редактор газеты «Свидетель» – знала, что беседует с убийцей, наверняка следующее преступление можно было бы предотвратить... А все началось с того, что ее подруга и сотрудница Марина увлеклась женатым мужчиной. Однажды она пришла домой к любимому в условленное время и обнаружила его жену с перерезанным горлом. В том, что Марину подставили, сомнений не было. Ей едва удалось избежать задержания, и вот теперь Ольга Бойкова просто обязана ради подруги попытаться найти убийцу...

Содержание

Бег впереди паровоза	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Светлана Алешина

Бег впереди паровоза (сборник)

Бег впереди паровоза

Глава 1

Если бы в ту злополучную среду я знала, чем все это закончится, то никогда бы не пустила Маринку в налоговую инспекцию. Она бы не попала в это летнее кафе и не познакомилась бы там с этим мерзавцем, Михаилом Кумарцевым. Поехала бы сама, договорилась бы обо всем, и ничего этого бы не было.

Как всегда всему виной – Маринкина постоянная готовность влюбиться. Романтическая натура, мать ее за ногу. Джульетта тарасовского уезда.

«Да, в общем, в жизни всегда так: если бы да кабы, да если бы знать заранее... – я прикурила новую сигарету от зажигалки и невесело улыбнулась продолжению своей мысли, – хотя если действительно все знать заранее, то, возможно, добрая треть из нас и не родилась бы вовсе».

Я сидела в своей квартире не зажигая свет, на диване и через не занавешенное шторами окно смотрела на темное небо.

– А ведь все было так хорошо... – негромко произнесла я вслух и вздохнула.

Не выдержав тишины, я встала с дивана и прошла на кухню. Привычным движением, опять-таки не зажигая свет, включила радиолу, подкрутила настройку, и бодренький голосок дикторши радостно сообщил, что только что началась новая среда в моей жизни.

Среда, конечно же! Я хлопнула себя ладонью по лбу и зашагала по кухне, сжимая виски пальцами, стараясь подробнее вспомнить то, что Маринка рассказывала про эту семейку и про среды, когда Инга – жена Михаила – уходила на весь вечер. Как раз в это время Маринка и встречалась с Михаилом у него дома, и он не опасался внезапного возвращения жены, потому что по средам Инга всегда отправлялась, как на работу, в бар «Фил френд» и четко высиживала там до десяти вечера. И даже еще позже. Что она делала – муж точно не знал. Инга объясняла Михаилу, что по этим дням у них с подругами «заседание дамского клуба». При чем Михаил относится к этому спокойно и с пониманием. Странная семейка.

А впрочем, что же в ней странного? Пока жена ходила в женский клуб, муж устраивал на семейной жилплощади развлечения в стиле клуба мужского. Любовницу себе завел, понимаешь... Хотя Маринка на мои вопросы всегда делала большие глаза и упорно клялась, что «у нас с Мишей никогда ничего не было! Мы просто друзья!».

Но все это лирика, а вот вчера Ингу убили, а Маринка оказалась замешана в этом деле. По крайней мере, так должно казаться с высокой колокольни наших доблестных внутренних органов.

* * *

История эта началась просто, развивалась приятно, а закончилась грустно. Хотя до окончания ее еще много чего может произойти.

На самом старте лета мы повадились с Маринкой ходить по открытым кафе. Невинное в общем-то развлечение после рабочего дня для двух одиноких девушек. Мне бы тогда не выпускать Маринку из поля зрения, да что-то я ослабила свой суровый надзор.

В один прекрасный день, в рабочее время, между прочим, я послала Маринку по разным инстанциям обозначить там нашу несомненную лояльность законам. Для тех, кто занимается бизнесом, подобные визиты, мягко говоря, желательны. Вот Маринка этим и занялась. Я уже давно считала, что нечего ей засиживаться в секретарях. Карьеру нужно делать какую-никакую!

Бродила она долго и наконец вернулась, да только не на работу, а ко мне домой, причем поздно вечером. Она пришла в настроении романтическом и приподнятом.

– Оля! Это любовь, а может быть, и судьба! – прямо в дверях провозгласила она и, отшвырнув сумочку и туфли, заперлась в ванной.

Начало было настолько неожиданным и многообещающим, что я и поругаться толком не сумела. Я только вздохнула и включила на кухне кофеварку. Заранее уже было известно, что еще пару часов, не меньше, мне предстоит выслушивать прекрасную историю любви с первого взгляда, которая внезапно накрыла Маринку своим шелковым крылом и «все стало вокруг голубым и зеленым». В первый раз, что ли?!

Выскочив из ванной в моем халате, с махровой чалмой на голове, Маринка затараторила:

– Он женат! Ну куда же податься бедной девушке, если уже всех клевых мужиков расхватили?! Оля! Он – великолепен! Я чувствую себя просто Джульеттой!

На последнюю фразу подруги я тогда незаметно усмехнулась, но не сказала ничего. Помнится мне, когда-то я и сама себя тоже сравнивала с Джульеттой. Приблизительно в восьмом классе.

Ужиная яичницей и запивая ее кофе, Маринка рассказала все подробности этой эпохальной для себя встречи.

С того дня и пошло и поехало. Каждую среду она встречалась со своим Михаилом Кумарцевым у него дома, потому что супруга Михаила Инга с обеда и до позднего вечера заседала в своем клубе – в маленьком баре на улице Соборной. Как-то раз я проходила мимо этого бара, и он мне понравился: приятный вход в полуподвальное помещение. Место – не дешевое и со своим стилем. Что там делала Инга – непонятно, а Михаил отделывался незнанием и незаинтересованностью в ответ на все Маринкины расспросы – она потом все честно пересказывала, естественно, избрав меня в свои поверенные.

Помимо сред, Маринка и Михаил тоже встречались, но уже где-то в другом месте – тут Маринка сдерживала прыть своих рассказов, а я не слишком и настаивала. Мне хватало того, что я знала.

Работа шла своим чередом, свидания – своим, и все было как обычно до сегодняшнего вечера...

...Я, очнувшись от воспоминаний, посмотрела на мирно бубнящее радио и поправила сама себя: не до сегодняшнего вечера, а до вчерашнего.

А вот вчера днем и раздался этот телефонный звонок. Примерно около двух часов дня.

* * *

Жаркий вчера выдался денек, и не только по событиям, но и по погоде тоже. Солнце жгло вовсю, такого июня не было уже давно. Вентилятор, стоящий в углу кабинета, не помогал и не облегчал положение: все равно было очень душно. Давно уже следовало купить кондиционер, но, честно говоря, почему-то руки ни у кого не доходили до этого сложного дела.

Я, измаявшись за бумажками, встала с кресла, вышла из-за своего стола и подошла к холодильнику, стоящему у противоположной от стола стены кабинета, и, открыв его, достала бутылку с апельсиновым соком.

Скоро должна была вернуться Маринка из налоговой. Вспомнив про Маринку и ее Михаила, я нервным движением налила себе половину стакана сока. Закрутила крышку бутылки и поставила бутылку на место.

Сегодня уже пошел третий день, как уехал в Москву по делам этот Миша – Маринкина зазноба сердечная. Маринка все эти дни совершенно невозможная: брюзжит, ворчит и курит как паровоз. Кому любовь, а кому переживания. В данном случае основные переживания достаются ее верной подруге и наперснице, Ольге Юрьевне. Мне то есть. И не только потому, что Маринка стала невнимательно относиться к работе. Наверное, все-таки я ей немного завидовала. Как же без этого?! У подруги очередная любовь, а у ее прямого и непосредственного начальника – очередной отчет, и – все!

Я постаралась отогнать эти неинтересные мысли, вернулась за стол и начала просматривать свои рабочие записи.

Зазвонил телефон, стоящий на столе слева. Я отставила в сторону стакан и улыбнулась. Не потому, что ждала этого звонка и от него зависело мое счастье в личной жизни, которой не было вовсе. Просто я знала, что если улыбаешься, то и голос звучит приветливо и тот, кто звонит, сразу же получает правильное представление об Ольге Юрьевне. На уровне своей подкорки, конечно.

– Газета «Свидетель», главный редактор Ольга Юрьевна Бойкова, – сказала я в трубку.

– Здравствуйте, – с теми же достойными интонациями ответил мне сипловатый, какой-то бесполой голос и сразу же спросил: – Марину можно услышать?

– Марина сейчас отъехала, перезвоните, пожалуйста, через полчаса.

– Извините, девушка, – продолжил пить мою кровь незнакомый абонент, – не могли бы вы записать для нее сообщение?

– Конечно, – приветливо отозвалась я и привычным движением придвинула к себе ближе блокнот и взяла гелевую ручку, – диктуйте!

– «Я вернулся, очень жду тебя сегодня в шесть часов вечера у себя дома. Будет маленький сюрприз. Люблю, целую. Михаил», – четко и внятно продиктовал мужчина.

«Наконец-то! Оказывается, это звонит наш Ромео, – подумала я, – значит, Маринка опять примчится поздно вечером ко мне домой и засыплет меня новостями. Зато с завтрашнего дня начнет работать опять весело и перестанет стонать по утрам, что ее несчастная жизнь проходит бездарно. Только почему она, зараза влюбленная, такой бабий голос называет красивым? А я-то сразу даже и не поняла, что это мужчина».

– Записали, девушка? – поинтересовался мужчина, прервав мои размышления.

– Конечно, – ответила я и, чтобы этот бессовестный женатик, крутящий роман с моей подругой, не принял меня за бессловесную дуру-секретаршу, я не сдержалась и добавила: – Хорошо, что вы приехали раньше, Михаил. Вас давно уже ждали.

Выдержав удивленную паузу, мужчина осторожно спросил:

– Простите, а с кем я разговариваю?

– Это Ольга Юрьевна, главный редактор газеты, – на этот раз уже равнодушным голосом ответила ему я, – первый раз внимательнее слушать нужно было.

Мужчина вздохнул с облегчением:

– Вы меня немного напугали. Я так удивился, что меня кто-то может знать в вашей конторе. Марина, разумеется, про вас рассказывала, – закончил он торопливо и добавил: – Так вы передадите, да?

– Обязательно, – успокоила его я, и мы вежливо распрощались.

Положив трубку телефона на место, я рассеянно посмотрела на нее, отпила из стакана апельсиновый сок и достала из ящика стола пачку сигарет «Русский стиль». Внезапно захотелось курить, и я прекрасно знала почему: а вот мне мужчины не звонили и не передавали таких пьянящих красивых слов: люблю, целую!..

Открылась дверь кабинета, и это прервало мои размышления. Влетела Маринка.

– Договорилась! – сразу же доложила она и устало плюхнулась на стул, стоящий напротив меня. – По всем пунктам, которые нас интересовали, все о'кей!

Маринка выпалила это на одном дыхании и, достав из сумочки голубенький платочек, вытерла им вспотевший лоб.

– Отлично! – кивнула я и протянула ей блокнот: – Тут тебе депеша пришла.

– Сама пришла? – улыбнулась Маринка и взяла у меня блокнот.

– По телефону, – ответила я и заранее заткнула пальчиками уши, чтобы благополучно пережить радостный Маринкин визг.

Пережила.

* * *

Вечером, как обычно, я пошла домой.

По сравнению с обеденным временем сейчас дышалось легче – солнце пряталось и возникало какое-то отдаленное ощущение прохлады. Моя «Лада» опять капризничала, и я ей позволила отдохнуть от меня. Помахав рукой, я поймала такси и поехала домой. Маринка удрала с работы еще в пять часов, и раньше чем в одиннадцать ее ждать не следовало. Значит, я имею кучу свободного времени, можно включить телевизор, лечь перед ним на диван с книжкой Агаты Кристи в руках и спокойно отдохнуть до явления моей дорогой подруги. Когда Маринка придет, тут уже будет не до чтения и не до сериалов. Придется слушать и сопереживать. Как обычно то есть.

Доехав до дома, я поднялась на третий этаж старого трехэтажного дома, где я снимаю трехкомнатную квартиру, и отперла входную дверь. Войдя, сразу же заподозрила что-то необычное – Маринкины туфли стояли в коридоре рядом со шкафом. Это могло означать или крах очередной версии про счастливую Джульетту, или смену дислокации счастливых влюбленных.

Честно говоря, я поежилась, представив, что сейчас мне навстречу выскочит Маринка в халате и попросит извинения за перенос свидания на мою территорию. А что? Для нее это запросто, тем более что был вторник, а не среда.

Однако пока никто не высказывал. Может, не слышат?

Захлопнув замок и сняв туфли, я прошла на кухню, поставила сумку на табурет и, заглянув в гостиную, увидела там сидящую в кресле Маринку.

Она была все в том же сиреневом костюме, что и сегодня на работе, и сидела в кресле, поджав под себя ноги. На полу рядом с креслом стояла открытая и уже почти ополовиненная бутылка водки – с незапамятных времен эта бутылка прижилась в моем холодильнике, и все никак не приходило ее время. Но вот наконец оно и пришло. Рядом с бутылкой стояла бронзовая пепельница, лежали пачка сигарет и зажигалка. На горлышке водочной бутылки торчал перевернутый маленький хрустальный стаканчик.

– Круто берешь, подруга! – присвистнула я. – Что случилось?

Я подошла к Маринке, ожидая услышать что-то вроде: «Он оказался подлецом...» Налицо была первая версия событий.

Но Маринка повела себя неожиданно. Она соскочила с кресла и крепко схватила меня за руки.

– Я влипла, Оленька... – дрожащим голосом прошептала Маринка.

– Спокойно, – произнесла я и, приобняв подругу за плечи, легко погладила ее по спине, – ты только не волнуйся. Со всеми так бывает. Он тебя бросил?

– Ты не понимаешь! – вскричала она и отбежала на несколько шагов в сторону. – Меня уже, наверно, ищут, чтобы посадить в тюрьму!

Я изумленно посмотрела на нее и не сразу нашлась:

– Не поняла! А ну успокойся и рассказывай!

Маринка нервно передернула плечами, словно прогоняя судорогу:

– Я пришла ровно к шести, как и было в записке. Ты же знаешь, он не понимает такого, чтобы женщина немного опаздывала. Сразу же напрягается...

Я подошла поближе к креслу, присела на пол и подняла Маринкину пачку сигарет «Русский стиль», выбила одну и прикурила от ее зажигалки.

– И что было дальше? – подогнала я подругу.

– А дальше – то! – опять разнервничалась Маринка, но подошла и присела на краешек кресла. – Я позвонила, и мне никто не открыл. Я потянула за ручку, дверь и открылась. Я вошла, а на полу в первой же комнате лежит его жена Инга, и горло у нее перерезано, и кровь хлещет... – Маринка разрыдалась. Остатки туши потекли у нее по щекам. Она вытерла под глазами пальцами и испуганно посмотрела на меня. Я, понятное дело, ответила ей спокойным взглядом, но все это было очень неприятно, честное слово.

– Ты же мне веришь, правда? – как-то робко спросила она. Я постаралась сохранить самообладание, иначе если бы мы обе здесь начали психовать, то добром бы это не кончилось, точно. А сейчас, похоже, нужно было как-то действовать, но для этого не мешало бы узнать, что же на самом деле произошло.

– Конечно, верю. Только рассказывай, пожалуйста, подробнее. Значит, ты вошла, а она лежит мертвая?

– Нет! Она еще дышала, глаза у нее были открыты и хрип такой страшный, и она смотрела на меня!

– Так, спокойно! – скомандовала я. – Я задаю вопросы, а ты отвечаешь, иначе дело у нас не сдвинется. Ты вошла и сразу увидела ее лежащую на полу?

– Нет, конечно. Я прошла по коридору и заглянула в гостиную. Двери были открыты, и вот перед этими дверями она и лежала.

– Ты «Скорую» вызвала?

– Не-ет, я даже не подумала об этом. Я так испугалась, что сразу же убежала.

– Кто еще был в квартире?

– Никого больше не видела. Не знаю, может, кто и был.

– Тебя видел кто-нибудь, когда ты туда входила, а потом выходила?

– Нет, кажется. Только вот знаешь... – замялась Маринка и странно посмотрела на меня.

– Что? Что еще? – враз охрипшим голосом переспросила я и откашлялась. Мне это нужно было, чтобы спрятать глаза.

– Когда я выскочила, то снизу слышались голоса. Квартира на втором этаже, и слышно было, как кто-то поднимается по лестнице и разговаривает. Я посмотрела сверху через пролет, а это были менты. Милиция!

– Милиция? – повторила я. – И что ты?

– Что я, что я! Я по-быстрому скинула туфли и побежала по лестнице вверх.

– Молодец! – надо же было хоть немного похвалить ее. – А потом что было?

– Я добежала, наверно, до пятого эта-жа и тут слышу, кто-то выходит из какой-то квартиры. Я остановилась и встала около лифта, как будто его жду. Вышла какая-то бабка, я с ней и поехала вниз. А куда было деваться? На улице уже стояли две милицейские машины и толпа народу. Там и менты были, и местные зрители уже начали собираться. Меня с бабкой не тор-мознули. Я ей еще в лифте предложила сумку поднести. Наверно, приняли за ее внучку или дочку. Короче, пронесло пока.

– Почему – пока? – не поняла я. – Тебя же никто не видел, правильно?

– Когда я уже заворачивала за угол, меня окликнул один мент, толстый такой, противный. Я оглянулась, а с ним рядом эта бабка стоит. Короче, я побежала...

– Бли-и-ин! – я прикрыла ладонью рот. – И что?

– Мне повезло. Таксист кого-то привез и высаживал сразу же за домом. Там трасса проходит. Я заскочила в машину и попросила ехать быстрее.

– И сказала этот адрес, дубина? – с негодованием спросила я.

– Ты что, с ума сошла?! – выкрикнула Маринка. – Я вообще проехала только три или четыре квартала и вышла. Потом пересела на троллейбус, затем на трамвай и только потом поехала сюда.

– Ну что ж, – с облегчением вздохнула я, – можно считать, что сегодня тебя почти никто не видел.

– Это сегодня. А в прошлые разы? Мишка, сволочь, особенно не скрывался. Я тогда все удивлялась, думала: вправду любит и не боится ничего.

– Так, ладно! – я попыталась сосредоточиться и вспомнить все, что сама переживала, или читала, или видела в детективах по телевизору. С досадой поняла, что конкретных знаний у меня все-таки маловато.

– Ты там, в квартире у своего Михаила до чего-нибудь дотрагивалась?

– Конечно же. Ручки на дверях. И на входной, и на двери в гостиную. Может, и на полу остались еще отпечатки.

– На каком полу?

– Ну, я как увидела эту Ингу всю в кровище, так и присела от испуга.

– Ты в кровь случайно не наступила? – с подозрением спросила я и затаилась, ожидая ответа.

Маринка не ответила и, поблуднев, бросилась в коридор. Там она схватила свои туфли и, перевернув их, пристально посмотрела на подошвы.

– Что? – я быстро подошла к ней.

– Вроде чисто все. Сама посмотри.

Я отобрала у нее туфли и посмотрела. Действительно, не было заметно никаких темных пятен.

– Послушай, – задумчиво произнесла я, – а откуда ты знаешь, что это была Инга, жена твоего Михаила? Ты ее видела когда-то, что ли?

– Конечно, ты что! – Маринка недоуменно уставилась на меня и пояснила: – В первый же день, когда мы с ним только познакомились. Она тоже там была, только подошла позже. А потом я еще фотографии видела... Мишка показывал, – она потерла ладони друг об друга, словно замерзла, и добавила уже совсем упавшим голосом: – Это была она, точно. Длинные волосы, почти как у тебя, да и цвет похожий, браслет у нее еще на руке, деревянный такой, наборный, вроде того, что у тебя есть, цепочка на щиколотке...

– Что еще за цепочка? – удивилась я.

– Обыкновенная, золотая, – пояснила Маринка.

– Это что-то означает? – спросила я, роясь в памяти. – Она из этих, из хиппи, что ли?

– Какие хиппи! – раздраженно выкрикнула Маринка. – Такие цепочки вообще-то носят лесбиянки...

Тут-то я и вытаращилась на нее. Когда до Маринки дошел смысл ее собственных слов, она с тем же ошарашенным выражением посмотрела на меня.

– Не может быть, – наконец выдавила из себя Маринка, – они же женаты. Нет, скорее всего хиппари...

– Стоп! – я предприняла еще одну попытку навести порядок в мыслях. – Пошли обратно и все разложим по полочкам.

Мы вернулись в комнату.

– Значит, так, давай я попробую все кратко повторить. Проверим, правильно ли я поняла. – Я положила полностью докуренную сигарету в пепельницу, взяла следующую и, не

прикуривая ее, а действуя как бы указкой, начала перечислять: – Ты подошла ровно в шесть, как тебе и было передано в той записке, которую продиктовал твой Ромео.

– Сволочь, – кивнув, подтвердила Маринка.

– Пока не важно, – махнула я на нее «указкой», – ты позвонила. Значит, отпечатки остались на кнопке звонка.

– Верно, – сказала Маринка.

– Не мешай, дай сосредоточиться! Затем ты открыла дверь. Оставила отпечатки пальцев на ручке. Вошла и, наверно, что-то крикнула. Ну вроде: ку-ку, мой птенчик, твоя бабочка прилетела...

– Тебе легко ехидничать! – обиженно проворчала Маринка, взяла за горлышко бутылку водки, сняла стаканчик и налила в него немного. – А я тут водку глотаю! Как ее только мужики пьют?!

– Не знаю! – опять отмахнулась я. – Ты говоришь, что горло у Инги было перерезано, да?

– Верно, – согласилась Маринка, сморщилась и выпила. – Там прямо, как второй рот был раскрытый... – добавила она упавшим голосом и уже, не сдерживаясь, тихо завывала, уронив лицо в ладони.

Я посмотрела на нее чуть ли не с озлоблением. Потом вытерла пальцами проступившую испарину у себя на верхней губе и, приняв решение, встала и пошла в коридор к телефону. Не помня наизусть номер, я полистала лежащий рядом с телефоном на полочке блокнот и, держа его открытым на нужной странице, начала нажимать кнопки.

– Оля, подожди! – закричала мне из комнаты Маринка. Она тоже выбежала в коридор и дрожащими руками попыталась вырвать телефонную трубку из моих рук.

– Ты к-куда звонишь?! – заикаясь, бормотала она, плохо соображая, что делает. Ей сейчас было просто страшно.

– Да успокойся ты! – крикнула я, немного испугавшись ее вида: глаза вытаращены, вены на шее вздуты. Фильм ужасов... – Я звоню Виктору! Кому же еще я могу звонить?! – с расстановкой произнесла я.

– Какому Виктору? – переспросила Маринка, ослабив напор и совершенно непонимающе вытаращившись на меня.

– Нашему Виктору, какому же еще? Или ты уже совсем забыла обо всех, кроме Миши?

– А зачем Виктору? Почему Виктору? Что ты хочешь ему сказать?

– Пусть он тебя сегодня же отвезет в деревню к твоей тете, вот зачем, – ответила я, отобрав наконец трубку и слегка повернувшись спиной к Маринке, чтобы лишить ее возможности опять покуситься на нее.

Виктор был нашим редакционным фотографом, бывшим афганцем и бывшим спецназовцем. Виктор был самым молчаливым и самым надежным парнем в мире. Когда-то они с Маринкой были вместе, но потом почему-то все испортилось и сто раз переменялось. Причем что интересно: Виктор как молчал обо всем на свете, так же промолчал и о причинах разрыва. Маринка же, умудряясь в одном разговоре затронуть бездну тем и загрузить слушателя до предела своими проблемами, говорить об отношениях с Виктором упорно не желала. Что у них там произошло – оказалось для меня тайной, сокрытой всеми возможными печатями. Но Виктор так и остался человеком, к которому всегда можно обратиться в трудную минуту и быть уверенной в нем.

После разговора с Виктором я начала собирать нужные для Маринки вещи.

– Я могла бы поехать и на автобусе, – как-то равнодушно проговорила Маринка.

– Могла бы, – согласилась я, – да только в таком деле каждые полчаса имеют значение.

Маринка впала в оцепенение и только иногда всхлипывала тихонько. Накидав в сумку все, что могло пригодиться, я вдруг выпрямилась и посмотрела на Маринку.

– А где был нож? – спросила я.

– Какой еще нож? – не поняла Маринка и огляделась по сторонам.

– Нож, которым убили Ингу, – нетерпеливо пояснила я, опять раздражаясь от ее несообразительности, – ты же сказала, что горло перерезано. Чем? Ножом, скальпелем, саблей? Где лежал этот предмет и что это было?

Маринка молча смотрела на меня и усиленно вспоминала.

– Не было ножа, – неуверенно ответила она наконец и уже тверже добавила: – Точно, не было. По крайней мере я его не видала.

В это время в дверь позвонили. Тихо ойкнув, Маринка зажала рот руками и застыла. Она была очень напугана. Я решила не искушать судьбу, на цыпочках подошла к двери и осторожно заглянула в «глазок».

– Это Виктор, – сказала я, разглядев стоящего за дверью. Почему-то я с облегчением вздохнула. Немного помедлив, я отперла дверь.

Виктор вошел, как всегда, молча и кивнул нам обеим. Маринка тут же прикрыла за ним дверь и заперла ее на два замка.

Виктор, посмотрев на Маринку, поднял на меня глаза; я, отведя его на кухню, все ему рассказала.

Внимательно меня выслушав, Виктор кивнул, большего от него и не требовалось.

* * *

Отправив Маринку с Виктором и строго-настрого запретив ей выезжать из деревни до моего особого сообщения, я, выключив во всей квартире свет, принялась размышлять о сегодняшних событиях.

Оставшись одна, я смогла наконец-то нормально обдумать ситуацию, в которую попала моя непутевая подруга. Хорошего, конечно, было мало. Как только будет выяснено, кто была любовница Михаила Кумарцева, то Маринку опознают и та старуха, которой она так хитро помогла донести сумку, и другие старухи, наверняка не раз видевшие ее с Михаилом. А уж мотивов ей подберут – полные карманы. И что делать? Посылать передачи и подавать кассации? От таких мыслей у меня напрочь пропал сон, хотя уже была ночь, а утром, как всегда, нужно идти на работу.

Вспомнив про работу, я по занудной своей привычке захотела узнать, сколько сейчас времени, и пошла на кухню. Включив радио, услышала, что сейчас не только полночь, но и наступила новая июньская среда. Вот тут-то я и хлопнула себя рукой по лбу.

Конечно же! Милиция наверняка всю допрашивает этого гадского Михаила. В убийстве жены муж всегда должен быть первым подозреваемым, так во всех детективах получается. Но этот Кумарцев – хитрая сволочь, вон он как попытался Маринку подставить! Ей еще повезло: приди она на минуту позже, и сидеть бы ей в КПЗ или как там называется следственная тюрьма? Я не помнила, да для меня это было и не важно.

Спокойно, Оля! Я сжала виски руками и начала усиленно вспоминать.

Инга каждую среду проводила в баре «Фил френд». Милиция вряд ли это знает, а вот я знаю! И еще я знаю, что нужно сделать! Пока менты будут давить из Кумарцева показания, я попытаюсь провести свое собственное маленькое расследование и начну его с того самого бара. Если Инга там бывала каждую неделю, значит, у нее там должны быть знакомые. А эти знакомые, возможно, не откажутся рассказать что-нибудь интересное про непонятные отношения Инги со своим мужем. Вот так мы, возможно, и найдем что-нибудь, что поможет отвести подозрения от Маринки и нацелить их на настоящего преступника.

Сформулировав такое решение, я внезапно ощутила облегчение. Мне, кстати, понравилось, что я каким-то конкретным делом помогла своей подруге, а не только пустым бабским

сочувствием. Прикурив последнюю перед сном сигарету, я принялась обдумывать подробности своих будущих действий.

Может быть, конечно, возникшая у меня идея и была идиотской, но она меня очень даже увлекла. Завтра посмотрим, к чему это приведет. То есть не завтра, а уже сегодня.

Глава 2

Мне показалось, что я не спала всю ночь, только изредка впадая в легкую дремоту. Несмотря на это, я встретила наступившее утро бодрой и активной, вскочив с дивана за несколько минут до начала стервозного пиканья будильника. Это хорошо: утро началось со счетом один – ноль в мою пользу.

После холодного душа и быстрого завтрака я начала собираться на работу.

– И не только на нее! – напомнила я себе громко и оглянулась на вешалку в коридоре, обдумывая, что лучше сегодня надеть на себя.

Вспомнив подробности вчерашнего разговора с Маринкой про Ингу Кумарцеву, я прошла в свою комнату и взяла с письменного стола лакированную коробочку с бижутерией. Если я надену браслет на руку, а цепочку на ногу – подумав так, я почувствовала, что краснею! – тогда приятельницы Инги скорее поверят, что и я одна из них.

Не понимая точно, что я вкладываю в понятие «одна из них», я все-таки решила, что поступаю правильно. К тому же иногда бывает полезно немного сменить имидж, как мне говорила когда-то Маринка. А уж она в этих делах всегда была подкованная.

Обдумав эту перспективную мысль, я надела белую шелковую юбку, по всему полю которой шел очень изысканный геометрический рисунок. Наверх – такую же блузку. Для комплекта пришлось взять белую сумку, а на ноги надеть сабо. Посмотрев в зеркало, я сама себе понравилась. Между прочим – это самое главное!

Ансамбль дополнили темные очки в черной оправе. Я еще раз осмотрела себя, прошла расческой по своим светло-русым волосам и вздохнула: все хорошо, все аппетитно, а где же твоя личная жизнь, Оленька?!

На работу я приехала на такси и еле досидела до обеда за своим рабочим столом, терпеливо отвечая на вопросы про Маринку: уехала в деревню, тетка заболела, отстаньте.

Не зная точно, во сколько часов Инга обычно появлялась в своем баре, я подумала, что если приду туда к двум часам, то это будет нормально. До десяти вечера – обычного времени, когда Инга уже уходила домой, – будет достаточно времени, чтобы намозолить глаза персоналу и заявить о себе как о незнакомой им подруге Инги.

Когда мои маленькие наручные часы показали тринадцать часов, я оставила редакцию на Сергея Ивановича Кряжмского – самого старшего члена нашей дружной команды и вышла на улицу.

Недалеко от входа в здание редакции я увидела незнакомого мужчину, стоящего со скучающим видом. Смешно, конечно, ожидать, что каждый встречный на улице обязательно должен оказаться знакомым, но я почему-то заволновалась. Поймав на себе рассеянный взгляд этого мужчины, я сразу же пожалела о своем желании идти в бар и куда бы то ни было еще. Мне захотелось запереться в своем замечательном привычном кабинете и честно отработать в нем до конца рабочего дня. Однако я гордо вскинула голову и промаршировала мимо в нужном мне направлении.

Пока я шла и давала рукой красивую отмашку, мне в глаза бросился деревянный браслет на моей левой руке, сегодня надетый впервые за несколько лет. Браслет сразу же стал как бы мешать мне и неудобно стягивать запястье. Потом я почувствовала, что и цепочка на правой щиколотке тоже мешает. А еще мне показалось, хотя я и не могла этого видеть, что мужчина внимательно смотрит мне вслед.

Могу поздравить, Ольга Юрьевна: у вас начались глюки, не иначе.

* * *

До бара «Фил френд» я пошла пешком. Несмотря на жару, мне нужно было пройтись, чтобы восстановить рухнувшее душевное равновесие. Я наконец-то не без оснований заподозрила, что мое решение заняться поисками доказательств вины Михаила в убийстве своей жены может стать делом, мягко говоря, опасным. Эта неприятная мысль, разумеется, немного подпортила настроение, но, вспомнив перепуганную Маринку, я подумала, что просто обязана ради подружки сделать все возможное для ее защиты.

Бар располагался на небольшой боковой улочке, отходящей от центрального городского проспекта. Я прошла через рай-он дореволюционных построек и, глядя на приятные архитектурные изыски канувших времен, стала немного успокаиваться, уговаривая себя, что для волнений нет никаких причин. Пока, по крайней мере.

Нужный бар я заметила еще издали и теперь шла, внимательно вглядываясь в его расписной фасад. Вход в полуподвальное помещение бара был отделан красным кирпичом, и венчала его полукруглая арка с вывеской. На вывеске был неплохо намалеван портрет парнишки в широченной шляпе на голове. Под подбородком парня шла ровная надпись «Фил френд».

Не замедляя шаг, независимо и свободно, я прошла под кирпичную арку и начала спускаться по кирпичной же лестнице вниз. В этом заведении я не была ни разу и сейчас поздравляла себя с тем, что у меня с собою было достаточно денег. На вечерок их должно было хватить, как мне казалось. Я, не сбавляя хода, толкнула тяжелую деревянную дверь и вошла в тесный холл бара.

Сразу же за дверью стоял, прижавшись спиной к стене, взлохмаченный парень в выцветшей футболке и в линялых джинсах. Он скучал и протяжно зевал, прикрываясь ладонью с грязными, необработанными ногтями. Похоже, что это был представитель распространенного нынче племени секьюрити, бдительно охраняющий следующую дверь, за которой, очевидно, и находилось самое интересное. Сонно посмотрев на меня, он негромко пробормотал:

– Полтинник за вход, девушка.

– Сейчас, – ответила я ему и открыла свою сумочку.

Наверное, я произвела впечатление на этого парня, потому что он снизошел до ненужных объяснений:

– За эти бабки: кофе, пиво и салат...

– Ага, – быстро ответила я, протянула ему требуемую сумму и, получив чек, неожиданно для себя самой, спросила: – Инга уже пришла?

Парень задумчиво поморгал на меня и пожал плечами:

– Я только что пришел. Спросите у Лены-официантки, она должна знать... Подруги, – добавил он и опять зевнул.

– Спасибо, – поблагодарила я и прошла через вторую дверь, теперь уже в основное помещение бара «Фил френд».

Зал бара показался мне очень уютным. Почти сразу же от двери начинались ряды столиков на четыре места, в конце зала – стойка, покрытая листом блестящей латуни. Всего столиков было около двадцати, наверное. Негромко играла музыка восьмидесятых годов. Две официантки в форменных платьях, сидя на высоких стульях, болтали с толстым барменом. Посетителей было немного. Время основного наплыва клиентов еще не наступило.

Я села за второй столик справа и, заметив на некоторых столах пепельницы, достала свои сигареты.

Не торопясь, ко мне подошла официантка – среднего роста приятная девушка с короткой стрижкой. Я прикурила, обдумывая свой следующий шаг.

– Сегодня у нас очень удачный восточный салат «Баялда», – известила меня официантка.

Я кивком выразила согласие, хотя смутно понимала, что такое «Баялда», и спросила ее:

– Вы Лена?

– Да, – удивилась та и внимательно посмотрела на меня.

Пришлось дружелюбно улыбнуться:

– Мы не знакомы. Мне Инга про вас рассказывала. Она сейчас здесь?

– Нет пока. Задерживается, видно, – охотно пошла на разговор Лена и поинтересовалась:

– Так вы ее ждете? Тогда пересядьте за ее столик, если хотите, конечно.

Столик Инги оказался самым удобным в этом зале. Он стоял в дальнем углу, влево от того, за которым я устроилась. Поблагодарив Лену, я перешла на новое место.

Продолжая курить, я рассеянно смотрела по сторонам и, когда Лена принесла салат и пиво, опять спросила у нее:

– Никто сегодня Ингу не спрашивал?

– Нет еще, вы первая. А вы по делу или как? – в свою очередь проявила любопытство Лена.

– Или как! – рассмеялась я. – Она давно меня уже приглашала зайти поболтать. Сказала, что если ее не будет, то всегда можно спросить у Лены. Вот я наконец вырвалась, пришла и спросила. А ее нет.

– Придет! – успокоила меня Лена. – Она сюда каждую среду как на работу ходит... А может, и на работу, – добавила она непонятную фразу и отошла к подозвавшим ее клиентам в другой конец зала.

Не спеша потягивая пиво, я постепенно настроилась на удачу. Судя по всему, мне уже везло. Если даже больше ни с кем не удастся поговорить про Ингу, можно будет продлить знакомство с Леной. Смешно сказать, но я чувствовала себя очень хитрой и дальновидной, прямо-таки мисс Марпл. – Ты только не переиграй! – напомнила я себе шепотом.

Пролетел незаметно час или немного более. Бар начал постепенно наполняться народом. Незнакомые люди занимали места за столиками. Я сидела в стороне, и это было очень удобно: никто не проходил мимо меня. Просто в этом месте уже было некуда идти дальше. Но одна дама почему-то все-таки прошла. Это была высокая блондинка в светло-бежевом костюме и в больших темных очках: распущенные волосы, падающие на лицо, дополняли маскировку.

Дама повернула свое лицо ко мне и, наверное, внимательно посмотрела. В баре был полумрак. Однако она не посчитала нужным снять свои очки и, пройдя по периметру бара, выбрала себе столик на другом конце зала и устроилась за ним.

Непонятное поведение этой дамы, таким образом, явилось почти единственным развлечением за все прошедшее время. Вторым человеком, вызвавшим мое любопытство, был присевший за столик недалеко от входа здоровенный парень – этакий киношный гоблин: коротко стриженный, в тренировочном костюме «Монтана», с толстой золотой цепью на шее. Лениво поглядывая в моем направлении, браток расчехлил с пояса сотовый телефон, набрал номер и начал разговаривать.

Я, поймав взгляд Лены, подозвала ее к себе.

– А Инга все еще не пришла? – удивилась Лена. – На нее не похоже. Ну, может, случилось что. Она обычно в это время уже здесь бывает. Будете ждать?

– Конечно! Можно еще пива?

Лена повторила пиво, и я, задержав ее жестом, показала на даму в темных очках:

– А кто это, не знаете?

Лена посмотрела и покачала головой:

– Не помню ее. Не из постоянных, точно. А одноразовых каждый день по полсотни приходит. К вечеру уже все на одно лицо становятся.

Лена ушла, и я продолжила свою ловлю неизвестной рыбки в мутной воде злчного места.

Когда второй стакан с пивом опустел наполовину, в бар зашел новый посетитель, и я невольно обратила на него внимание. Ну, просто потому, что там было на что посмотреть.

Мужчина, примерно сорока лет, высокий, симпатичный, в белой рубашке без галстука и в серых брюках, остановился у двери и медленно осмотрел весь зал. В руках мужчина держал черную кожаную папку-органайзер. Встретившись глазами со мной, он медленно кивнул и еще раз огляделся. Я наклонилась над стаканом и подумала, что, наверное, я это сделала зря, потому что незнакомый мужчина вполне мог мое движение принять тоже за кивок. Стало даже немного смешно от мысли, что меня кто-то примет за искательницу приключений. А впрочем, почему нет?! Рассеянно подняв глаза снова, я убедилась, что, похоже, именно так и есть: мужчина уже не стоял около входа, а целе-устремленной походкой направлялся в мою сторону.

«Вот к тебе, Оля, и личная жизнь сама идет, – пошутила я и усмехнулась тому, как все просто делается: достаточно было только один раз прийти и посидеть с часик в баре. – Права была Маринка, говоря, что ничего сложного в этом нет».

Тем временем мужчина подошел и, не спрашивая разрешения, присел за мой столик. Свою папку он бережно положил на край стола и прикрыл ее рукой.

– Здравствуйте, – несколько брюзгливо произнес он.

Я молча посмотрела на него и подумала о том, как же лучше поступить. И не сделала ничего.

Мужчина вздохнул, скривил губы и пояснил:

– Я, как вы, наверное, понимаете, Бугаевский Петр Аркадьевич.

– Очень приятно, – равнодушно ответила я.

– А мне – не очень! – тихо, но с заметным раздражением произнес Бугаевский. – И, знаете что, давайте оставим все эти светскости. Нет у меня сегодня желания играть в милорда. Особенно с вами, девушка.

– Не играйте, – я пожала плечами, уже окончательно поняв, что эта встреча вовсе не станет заметной вехой в моей жизни. Однако что же ему нужно?

– Не буду! – согласился он.

Подошла Лена-официантка и наклонилась к Бугаевскому.

– Черный кофе, пожалуйста, – заказал он ей, – и, ради бога, замените пепельницу. Смотреть противно.

Лена молча взяла пепельницу с двумя моими окурками и быстро вернулась с новой.

– Кофе будет через пару минуточек, – сказала она нервному клиенту, но Бугаевский только отмахнулся от нее и больше ничего не сказал.

Лена ушла, бросив на меня соболезнающий взгляд. Спасибо за солидарность.

– Значит, так, – начал Бугаевский, почесывая переносицу левой рукой, правую он продолжал держать на папке, – сегодня я не в состоянии был принести все полностью. Нужно отложить хотя бы на недельку.

– Почему? – спокойно удивилась я и внимательно посмотрела на собеседника. Я не понимала, о чем он говорит, но чувствовала, что все это имеет самое прямое отношение к тому делу, по которому я сюда и пришла. Внешнее спокойствие давалось мне с напряжением, внутри все как-то мелко и нехорошо подрагивало. Я взяла из пачки новую сигарету и сама прикурила ее. Бугаевский даже и не дернулся, чтобы поднести даме зажигалку, лежащую на столе рядом с его папкой. Похоже, он действительно выдерживал свое обещание и не собирался играть в милорда.

– Я же ясно сказал: не получится, – продолжил Бугаевский, и вдруг, словно исчерпав весь наличный запас агрессивного хамства, он наклонил голову ближе ко мне и проговорил уже почти жалобным тоном: – Поймите, девушка, я не отказываюсь платить. Не отказываюсь, но сейчас у меня некоторый застой в делах. – Он вздохнул, положил папку перед собой и открыл

ее. Вынув из бокового отделения почтовый конверт, он отложил его в сторону, закрыл папку и протянул этот конверт мне.

– Здесь ровно половина. Расписки от вас не требую, потому что дело такое... – он замялся, скривил губы и отвел глаза.

Я машинально взяла конверт и ощупала его.

«Неужели столько денег?» – подумала я и сама уже была не рада, что ввязалась в эту авантюру.

Приняв мое молчание за согласие, Бугаевский снова воспрянул духом.

В это время Лена принесла ему кофе.

– Что-нибудь еще пожелаете? – спросила она Бугаевского.

– Нет-нет, спасибо, – отмахнулся он и снова обратился в мою сторону.

– Я не рассчитывал встретить здесь вас. Мне была обещана какая-то неожиданность. Я, честно говоря, заподозрил... – Бугаевский, словно очнувшись, вдруг быстро огляделся по сторонам.

– Что заподозрили? – ровно спросила я, просто для того, чтобы не молчать как дуручка. Сейчас я уже обдумывала, как бы без ощутимых потерь выскочить из этой ситуации, в которую сама себя и загнала.

– Это не суть важно, – опять возвращаясь в свое первобытное состояние напористого хама, отрезал Бугаевский, – я могу рассчитывать, что эти дела не коснутся, так сказать, второй стороны?

– Не поняла?

Бугаевский пожевал губами и пронзил-таки меня ненавидящим взглядом.

– Все вы прекрасно понимаете! Я прошу вас: не нужно сюда вмешивать Ингу, – перейдя на шепот, сказал он, – девчонке и так досталось в жизни. Муж – этот садист, помыкающий ею как рабыней, и прочие дела... Я могу на это рассчитывать?

До упоминания имени Инги я не знала, как выкрутиться из неудобного положения, но когда Бугаевский назвал Ингу, я внезапно решила, что раскрываться не стоит. Я подумала, что, наоборот, было бы желательно побольше узнать, продолжая изображать из себя заинтересованное лицо. Но из этого ничего не получилось. Бугаевский посчитал, что разрулил свое дело, и начал приподниматься со стула.

– Как вас найти в случае чего? – ну не придумалось мне лучшего вопроса, чтобы немного задержать его.

– Так же! – резко ответил Бугаевский, глядя на меня с высоты своего немаленького роста. – А в чем проблемы?

– Ни в чем, – улыбнулась я, – визитку свою не подарите для коллекции?

Прищурясь, словно подозревая подвох, Бугаевский опять открыл папку и – не подал в руки! – а бросил на стол свою визитку и пошел к выходу.

Проводив его взглядом, я взяла визитку в руки.

«Бугаевский Петр Аркадьевич. «Салют-банк». Финансовый директор», – прочитала я.

– Вот это да! – прошептала я. «Салют-банк» входил в тройцу крупнейших местных банков. Помимо всего прочего, у нашей редакции тоже был счет в этом банке.

Не рискуя разглядывать содержимое конверта прямо в баре, я небрежным движением взяла его со стола и положила к себе в сумку. Туда же отправилась и визитная карточка Бугаевского.

«Ну что? – спросила сама у себя. – Будешь сидеть дальше или на сегодня уже хватит?»

Подошла Лена.

– Знакомый, что ли, или мужик твой? – полюбопытствовала она.

– Ага, знакомый.

– Ты глянь, – удивилась Лена, – прямо как к Инге к тебе потянулись. Принести еще что-нибудь? Пивка или, может, кофе?

– Кофе, пожалуйста, – попросила я, собираясь выпить чашечку и уйти домой. Что-то мне нашептывало, что дальше оставаться здесь было бы не так интересно, как раньше. Короче, нужно было закругляться.

Я положила докуренную почти до конца сигарету в пепельницу, и тут напротив меня сел еще один мужчина. Это был тот самый классический браток в «Монтане», который так важно общался по своему сотовому и посматривал на меня с табуретки около входа.

Бросив на него абсолютно равнодушный взгляд, я отвернулась.

«Лучше бы я ушла сразу за Бугаевским», – подумалось мне. Посмотрев на входную дверь, я увидела ту самую даму в светло-бежевом и больших темных очках. Дама выходила из бара и напоследок обернулась и опять поглядела в мою сторону.

– Ну что, ништяк пивко-то? – спросил меня браток, весело пялясь своими бесцветными глазами.

Я пожала плечами и через его голову попыталась высмотреть Лену. Той нигде не было видно.

– Ты шейку-то не тяни, подруга, – браток навалился грудью на стол, и я почувствовала запах его фруктовой жвачки, – короче, слушай сюда. Матрос хочет с тобой переговорить. Сейчас делаешь приветливую рожу, мы спокойно выходим, и все будет путем. А будешь дергаться, я тебя все равно отвезу к нему, но уже не в той комплектации. Вопросы?

Врать не буду. Я так испугалась, что сразу и не нашла, что ответить на эти слова. Верно оценив мое состояние – опытный, блин, – браток презрительно хмыкнул и встал со стула во весь свой гигантский рост.

Подошла официантка с чашкой кофе на подносе. Это была уже не Лена, а другая, незнакомая мне девушка.

– Уже уходите? – спросила она меня, недоуменно посматривая на гоблина.

– Ага! – подтвердил тот и небрежно вынул из кармана спортивных брюк несколько мятых сотенных бумажек. Отделив одну, он протянул ее официантке.

– Посчитаешь там, что останется – твой навар.

– Спасибо, – купюра сразу же исчезла в быстрых руках официантки, словно ее и не было вовсе.

Я попыталась схватиться за последнюю соломинку.

– А где же Лена? Сегодня она меня обслуживала... – подло срывающимся голосом спросила я у официантки.

– Только что сменилась и домой ушла, – сладко улыбаясь, объяснила официантка, отходя от стола и освобождая проход для уважаемых гостей.

Последняя надежда рухнула. Я поднялась со своего стула, осмотрелась. Ни охраны, никого из мужского персонала видно не было. Господи, что ему от меня надо? Больше никаких мыслей не было. Я осторожно дотронулась пальцем до плеча гоблина:

– Я не знакома с вашим Матросом. Вы делаете ошибку. Я буду кричать.

– Пошли, пошли, – браток не захотел даже слушать мой жалкий растерянный лепет. Эх, вот тут-то я и пожалела о своем геройстве!

Гоблин резко схватил меня за правую кисть, и я почувствовала какой-то укол в запястье. Приподняв руку, я разглядела, что браток плотно прижал к моему запястью лезвие медицинского скальпеля. У меня лоб мгновенно покрылся испариной.

– Только дерни ручкой, и сама себе вены порежешь на хер! – улыбаясь, пояснил он и, прижав локтем мое предплечье к своему боку, повел меня к выходу.

Я, как робот, взяла сумку, повесила ее на левое плечо и послушно последовала за ним, еле дыша от страха. Что же мне еще оставалось делать?

Глава 3

Выходя из бара и поднимаясь по лестнице наверх, я, здорово перепуганная скальпелем и гоблином, очень боялась споткнуться и поэтому шла, плотно прижимаясь к плечу своего похитителя.

Очутившись на улице, я в первую секунду зажмурила глаза: июньское солнце показалось слишком уж ярким после полумрака «Фил френда». Я остановилась и приложила левую руку ко лбу. Наверное, от свежего воздуха стали появляться первые здравые мысли. Нужно было срочно драпать. А как?

– Голова, что ли, закружилась? – Гоблин затормозил свое движение и, слегка наклонившись, постарался заглянуть мне в лицо. – Это от счастья, блин. Гы-гы.

Он развеселился и шумно засопел.

– Все нормально, – нехотя ответила я, подумав, что, наверное, этот громила радуется тому, что я могу заплакать. Не дожدهшься, сволочь!

Я опустила руку. Невдалеке от входа в «Фил френд» стояла синяя иномарка с гостеприимно распахнутой задней дверцей. Похоже, это в мою честь. Доигралась, Оля!

– Ну что, Золушка, твоя тыква подана, пошлепали! – игриво сказал громила и подтолкнул меня в направлении этой иномарки.

«Ну хоть бы какой-нибудь милиционер оказался рядом, что ли!» – в отчаянии помечтала я, но похоже, что на сегодня все мое везение и закончилось. Я ввязалась не в свою игру, и меня ожидает неприятный проигрыш. А не хотелось бы.

Народу на этой маленькой улочке, можно сказать, не было совсем. Лишь одна женщина, почему-то с розовым складным зонтиком в руках, хотя дождей не было уже пару недель, неторопливой походкой удалялась в сторону центрального проспекта. Но женщина мне в такой распогоаной ситуации была совершенно не помощница. Помимо синей иномарки, еще одна машина стояла в отдалении, прижавшись к бордюру. Тоже иномарка, только меньше размером, серо-стального цвета. В глаза бросились четкие цифры ее номера: 222. Но было очень маловероятно, что из нее выскочит мне на помощь какой-нибудь былинный чудо-богатырь, размахивая мечом-кладенцом. Такое бывает только в сказках.

Я тупо шагнула вслед за громилой, и тут ремень моей белой сумки соскользнул с плеча и сумка с шорохом упала на асфальт.

Я рефлекторно нагнулась за ней, но зажатая правая рука не позволила наклониться так низко, как было нужно. Я снова распрямилась и растерянно посмотрела на своего конвоира. Тот хмыкнул и ослабил хватку.

– Поднимай давай, что смотришь! – буркнул он.

Не спуская с него глаз, я медленно присела, больше опираясь на левую ногу, нащупала сумку, взяла ее и почувствовала, что сейчас как раз могу вырвать руку без страшных для себя последствий. Если все сделаю резко, конечно. В тот момент я не была такой уж отважной, просто все получилось как-то само собой.

Цепко захватив свою сумку, я с силой сжала на ней пальцы так, что косточки фаланг побелели от напряжения, еще больше присела и одновременно с этим рванула захваченную руку вниз и – на себя. Едва не упав, я, как заяц, бросилась прочь от бандита, размахивая руками и что-то крича во всю мочь.

– Стой, гнида! – рывкнул гоблин и ломанулся за мной.

Может быть, в мужской борьбе, сопя и потев на татами, он и был непобедимым борцом, но в погоне за перепуганной насмерть женщиной ему явно не хватало ни скорости, ни нужной резвости движений.

Вот только напрасно я побежала мимо синей иномарки. Нужно было мне драпать в другую сторону. Распахнулась передняя дверца машины, и из нее выскочил худощавый парень в шортах и футболке. Он, расставив руки, ринулся мне навстречу.

Я рванулась влево, затем вправо от него. Сзади меня настигал слоновий топот озверевшего гиганта, спереди приближался более прыткий и поэтому еще более опасный шофер иномарки.

Как-то сумев обмануть шофера и увернуться от него, я вырвалась из клещей и побежала к центральному проспекту, к ближайшему людному месту. Я была уверена, что там за мной гоняться бандиты не осмелятся. Тут мне не повезло в очередной раз.

Шедшая впереди женщина с зонтиком наконец-то оглянулась на крик и, увидев совсем рядом с собой убегающую от двух мужчин девушку, вскрикнула и отпрянула к стене дома. Отвлекаясь на ее движение, я не заметила у себя под ногами какой-то дурацкий цветной фантик, валявшийся на тротуаре, наступила на него, поскользнулась и, потеряв равновесие, чуть не упала. Пришлось немного замедлить свой бег, и вот тут-то меня и нагнал прыткий шоферюга.

– Попалась, коза! – задыхаясь, выкрикнул он, больно хватая за плечо.

– Держи, держи ее, Серега! – послышался сзади хриплый рык.

Я, взвизгнув, вцепилась зубами в держащую меня руку.

– Сука, сука! – проорал шофер и ударил меня несколько раз кулаком по голове.

Я прикрыла голову руками и нагнулась, пытаясь поднырнуть под руку шоферу, но это не удалось. Он держал меня крепко, зараза.

Приблизился сопящий и отплеывающийся громила и захватил вторую мою руку.

– Блин... в натуре... по-хорошему... не хочешь... – с тяжелыми придыханиями выдавил он из себя и дернул меня в сторону приготовленной машины. При этом сильно сжал мое плечо. – Шевели поршнями, кошелка! – рявкнул громила, наконец немного восстановивший дыхание, и мне ничего не оставалось делать, как послушно шагнуть к синей иномарке.

Помощь пришла с неожиданной стороны.

– Пацаны! А что вы от нее хотите? – вдруг выкрикнула женщина с зонтиком в руке. Та самая, которая невольно сбила мой великолепный бег.

Я посмотрела и только теперь узнала ее. Это была Лена-официантка из бара. Очевидно, сдав смену, она вышла всего лишь за несколько минут до меня с бандитским конвоем.

Взглянув на Лену, я промолчала: чем мне может помочь Лена? Нарвется только на неприятности... Однако если догадается, то сможет сообщить милиции номер машины!

Но я ошиблась, оказалось, что это не так.

– Ты чо, Ленка? – удивился шофер. – Не знаешь, что ли? Матрос велел привести ее для базара...

– Ну! – энергично подтвердил громила.

– Кого «ее»?! – выкрикнула Лена и подошла к нам ближе. – Кого тебе велели привести, Сырок?

Несмотря на напряженность ситуации, кликуха Сырок показалась мне настолько несоответствующей облику перекачанного в спортзалах доброго молодца, жестко сжимавшего мое плечо, словно это была ручка эспандера, что я, отвлекаясь от своего довольно-таки жалкого положения, немного повеселела. В моем веселье было что-то истеричное, иначе и не объяснить. Но смелый разговор Лены с бандитами внушал какую-то слабенькую надежду.

– Кого-кого, сама знаешь кого... – засмутился вдруг Сырок. Он, похоже, впервые подумал, что на самом деле мог ошибиться.

– Ингу твою гребаную! – раздраженно рявкнул шофер, пришедший на подмогу задумавшемуся Сырку. – Кончай базар! И так чан трещит от спринта, и ты еще здесь...

Он дернул меня, и тут Лена сказала:

– Это не Инга, придурки. Оставьте ее. Вам Матрос за такие дела... – Лена замолчала, выискивая нужный эпитет, но ситуация уже переломилась.

Меня враз стали держать слабее.

– Ну ты, хватит по ушам-то ездить... – неуверенно произнес Сырок и тоже дернул меня, да так, что я едва не упала. – Тебя как зовут?

– Ольга...

– Ни хера не понимаю... – растерялся шофер. – Ты кого приволок, баклан?! – он отпустил меня и замахал руками перед лицом Сырка.

– Спокуха! – прервал тот поднимающуюся дискуссию. – Щас разберемся.

Сырок, не выпуская мое плечо, второй рукой расстегнул висевший на поясе футляр и достал свой сотовый. Наморщив лобик, вспоминая нужный ему номер, он толстым пальцем набрал его и, приложив трубку к уху, прислушался.

– Колян? – негромко произнес он, когда трубка ожила. – Тут такое дело, в общем. Взяли бабу, а Ленка твоя говорит, что не та. А хули не та, я сам видел, как сидела за тем столиком... И по описанию подходит... – Прослушав, что ему было сказано, он протянул трубку Лене: – На, давай говори сама.

Лена взяла трубку:

– Не Инга это, Коль... Конечно, уверена... А я знаю?... Нет, не было... Да, отвечаю. Отвечаю, тебе говорю, это не она... Сегодня впервые ее увидела... Да мало ли... Я ее и посадила за этот столик... Сейчас.

Повернувшись ко мне, Лена спросила, нажав две кнопки на панели трубки и протянув ее ближе к моему лицу:

– У тебя какое к Инге дело?

– Да никакого. Я просто так пришла, – я старалась говорить простые и понятные вещи, объяснять что-либо сейчас было бы весьма нежелательно. – Инга как-то сказала, что ее можно застать по средам, вот я и пришла...

– Слышал? – снова сказала Лена в трубку. – Я думаю, не при делах она... Хорошо... Да... На, общайся, малыш, – протянула она трубку Сырку и подмигнула мне.

С побагровевшим лицом Сырок молча выслушал все, что высказало ему руководство, посопел и недовольно ответил:

– Понял, да. Пока.

Упаковав аккуратно сотовый телефон обратно в поясной футляр, Сырок отпустил меня, посмотрел, посопел и пробормотал:

– Ну, короче... бывает.

Окончив эту блистательную речь, он повернулся и шаркающей походкой направился к бару.

– Что он сказал, Сырок? – бросился за ним шофер, и они оба пошли, что-то вполголоса обсуждая между собой. Дойдя до входа в бар, братки разделились. Сырок начал спускаться вниз, а шофер опять засел в синюю иномарку. Дежурство у ребят, по всей видимости, продолжилось.

Проводив их взглядом, я повернулась к Лене.

– Спасибо, Лен, – тихо произнесла я.

Голос куда-то пропал, и я почувствовала, что сейчас могу заплакать.

– Тихо, тихо, перестань, пошли, – Лена подхватила меня под руку и повела по улице в другую сторону от «Фил френда». – Я здесь недалеко живу. Кофейку попьем...

Я шла, мало во что вникая после пережитого. Я спаслась от бандитов, и это было главным.

Мы прошли мимо серебристой машины, припаркованной к тротуару. Сразу вспомнилось, что я видела эту машину еще убегая от громилы. За тонированными стеклами нельзя было разглядеть: пустая машина или в ней кто-то есть. Да это в общем-то было и не важно...

* * *

Лена действительно жила не очень далеко от бара в однокомнатной квартире на первом этаже старого двухэтажного дома.

– Заходи, гостем будешь, – она отперла покрытую облупившейся коричневой краской входную дверь и пропустила меня вперед.

Квартира у Лены была, мягко говоря, не шикарной: скрипучие полы, отвалившаяся штукатурка на потолке, грязные обои на стенах...

– Зато душ есть! – словно угадав мои мысли, похвасталась Лена.

– Это – роскошь, – согласилась я, чувствуя себя после прошедших событий весьма подготовленной к водным процедурам. Хотелось тщательно смыть с себя ощущения грубых прикосновений двух мерзких дебилов, неизвестно чего хотевших от Инги, а напавших на меня.

Оставив сумки в коридоре, мы прошли в комнату.

Комната была большой, наверное, метров двадцать. Сразу же справа у стены стоял стол, заваленный газетами и журналами. Тут же стояли немытые чашки, лежали ложки и вилки. Из-под стопки журналов робко выглядывал телефон «Панасоник» – единственная дорогая вещь в комнате. Кроме стола, здесь еще стояли разложенный диван, пара кресел, буфет и телевизор «Горизонт» в углу на облезлой тумбочке.

– Тебя как зовут, кстати? – прервала мои размышления Лена. Она села на стул, скинула с себя босоножки и посмотрела на свои ступни. – Опять натерла, блин...

– Оля, – представилась я, – спасибо тебе...

– Брось! – махнула рукой Лена. – В душ пойдешь? В такую жару только там и можно спастись.

Я чуть помедлила с ответом, совершенно по-идиотски прикидывая: прилично ли будет, не прилично ли...

– Не стесняйся! А потом я и сама схожу, – сказала Лена, снимая блузку.

Видя ее простое отношение, я с радостью согласилась. Действительно, мне очень хотелось в душ.

Много времени это не заняло, и через час мы сидели за столом, на этот раз одетые гораздо проще.

– Есть хочешь? – неуверенно спросила Лена и покосилась в сторону кухни.

– Нет, спасибо, курить у тебя можно?

– А как же? Сейчас и покурим!

Лена медленно встала со стула и побрела на кухню.

– С этой гребаной работой... как набегаяешься за весь день, под конец ноги отекают, вены выступают... Ходить не хочется.

Она вернулась с пепельницей и поставила ее на стол.

– Угощай, а то у меня нет пока ничего, – обратилась она ко мне и села на стул, вытянув ноги.

Тут я вспомнила о сумке, огляделась, встала и прошла в коридор, где оставила ее на полочке. Открыв сумку и, не глядя сунув в нее руку, я нащупала конверт, данный мне Бугаевским. Подумав, решила пока его не доставать. Неизвестно еще, что в нем лежит, а если Лена увидит содержимое, то придется отвечать на вопросы, а их сейчас не хотелось бы.

Вернувшись с сумкой в руках и с пачкой «Русского стиля», я положила сигареты на стол, а сумку поставила на пол рядом с собой. Пока прикуривали, мы молчали, затем Лена спросила:

– А ты давно видела Ингу?

– Вчера, – тут же ответила я, будучи готовой к этому вопросу, – просто встретила ее на улице, она и пригласила зайти в кафе. А сама не пришла.

– Кинула! – рассмеявшись, предположила Лена.

– Наверное, – я пожала плечами и в свою очередь поинтересовалась: – А ты откуда знаешь этих гоблинов, если не секрет, конечно...

– Какой там секрет, – опять махнула рукой Лена, наклонилась и погладила свою левую ногу пониже колена, – раньше они так не выступали... Какой секрет, – повторила она, – эти братки работают на моего бывшего мужа, на Колю Матроса. Слышала о таком?

– Только сегодня в первый раз услышала, – призналась я, – от них же. Они сказали, что Матрос хочет со мной поговорить. Я и удивилась: какой матрос? А этот – Сырок – скальпель прижал вот сюда, – я показала запястье, – до сих пор красная полоса осталась. Видишь?

– Понятно. Обычные дела, – рассмеялась Лена. – Откуда вот только ты взялась, что не знаешь Матроса? – удивилась она. – Он же весь район держит!

– Не знаю, – пожала плечами я, – я никогда не была связана с такими делами.

– Ну ты даешь! – Лена с интересом посмотрела на меня. – А сама чем занимаешься? Как и Инга: что бог пошлет, а лучше мужика с бабками?

– Я в газете работаю. Слышала, есть у нас такая газета «Свидетель»?

Лена покачала головой.

– «Спид-инфо», «Интим» и «Сканворд-клуб», больше не знаю ничего и знать не хочу, – ответила она.

Нагнувшись, я достала из сумки визитницу, открыла ее, вытащила карточку и протянула Лене.

Та взяла и прочитала вслух:

– Газета «Свидетель», Бойкова Ольга Юрьевна, главный редактор. Ни хрена себе! – уважительно протянула она. – Это ты?

Я молча кивнула.

Может быть, показав эту визитку, я и сделала глупость, но после того, что со мной случилось и что для меня сделала Лена, мне так не казалось.

– Что же у тебя общего с Ингой? Наводишь, что ли?

– Не поняла! – я подумала, вспомнила песню Высоцкого про Нинку-наводчицу и спросила: – Наводчица – это же какой-то воровской термин, да? Инга воровка?

– Ну ты даешь! – окончательно развеселилась Лена и встала. – Пойду чайник поставлю.

Она вышла на кухню и продолжила оттуда:

– Ты ничего, значит, про Ингу не знаешь? Она баба с башкой, только хитрит до хрена и больше. Поэтому на нее Колян и обозлился. Она ему деньги должна, и потом это же его территория, она и налог платить ему обещалась, но затянула что-то. Я тоже здесь подвернулась под руку, потому что деньги Колян дал по моей просьбе, я как бы подписалась... А у него разговор короткий... – Лена вернулась, помолчала и задумчиво повторила: – Да, разговор у него короткий. Не любит он долго рассусоливать...

– Понятно, – поддержала я разговор, понимая, что Лена сейчас говорит про что-то свое.

– Вот такие дела и творятся, – продолжила Лена, опять садясь за стол. – А Инга – она не промах. И если крутится где-то рядом с деньгами, то она очень постарается его не упустить и подоить немножко... дерг-дерг...

Лена рассмеялась, откинувшись назад на стуле.

– Что такое? – удивилась я. – Вспомнила что-то?

– Вот именно, вспомнила, – Лена вытерла рот рукой, – Инга же работала в «Метеор-клубе», знаешь, блядешник такой на Саперной улице?

Я пожала плечами:

– Нет.

– Ну ты даешь! – снова повторила Лена. – Короче, это такой ночной клуб со стриптизом и номерами. Не для всех, конечно, номера, а для избранных. Вот там Инга и делала карьеру...

Она работала под молоденькую совсем девочку. Выглядит же очень молодо, сама знаешь. Ее и называли даже в «Метеоре» то Лолитой, то Джульеттой.

Я даже вздрогнула от этих слов. Далась им всем эта Джульетта. Маринка тоже себя сравнивала с этой нимфеткой...

Лена продолжала:

– Как-то на нее запал один пузан, у него до хрена бабок кочевряжилось в гомонке, а с ним была какая-то подруга. Старовата немножко, но ничего. Вот они и схлестнулись с Ингой. Инга увела этого баранчика, а подруга потом решила с ней рамсы развести. Лицо побить то есть... – Ну так вот, – продолжила Лена, – Инга немного менжевалась, пока думала, что эта подруга – жена пузана, а потом как разошлась! Короче говоря, кто кому фотографию испортил, я не скажу, не знаю, но Инга с ней после разборок как-то и сошлась, подружились даже...

– Слушай, она же замужем! – вспомнила я. – Интересно, муж в курсе или нет?

– Нет, конечно, он у нее лоховатый, как я понимаю, – весело ответила Лена. – Ну так вот, Колян мой – точнее, бывший мой, – поправились она, – подождал, сколько уговорено было, и захотел себе вернуть бабки-то, с процентами, разумеется. И он же обложил ее налогом, потому что территория его и бизнес Инги как бы тоже из его сферы. Она вроде как пообещала долг вернуть, а сама не пришла на стрелку. Колян ей позвонил, она что-то ему начала лепить. Кружила, короче. Сегодня пацаны должны были ее прижать и на разбор притащить, а она и в кафе не пришла. Может, кстати, она нарочно пригласила тебя прийти сегодня... Точно! – воскликнула Лена. – Это в ее стиле. Этот браслет еще похож на тот, который она постоянно носит. Она сказала тебе браслет надеть? Да?

Пережитый испуг уже прошел, и я снова начинала чувствовать вкус игры и, чтобы не спугнуть хорошо пошедший разговор – все равно Инга мне не попеняет за это, – согласно кивнула:

– Ну да. Я еще удивилась, когда она мне напомнила про него. Я и забыла, что у меня такой есть...

– Молодец баба! Вот молодец-то! – похвалила Лена Ингу и подвинула к себе ближе телефон.

– Сейчас я ее вызвоню, артистку-аферистку, – она пробежалась пальцами по стопке газет и журналов на столе и выдернула примерно из ее середины старенький блокнотик, распухший от вставленных в него дополнительных листочков. Выдернула так удачно, что стопка только покачнулась, но не рассыпалась.

– Видала? Профессионалкой уже стала! – похвасталась Лена, раскрыла блокнот и начала рассматривать и перекладывать свои листочки. – Где же, где же... – негромко бормотала она и пока не находила.

Я невольно внутренне напряглась. Еще бы: сейчас Лена позвонит Инге домой и сразу же узнает правду... Я тут же стала моделировать и прикидывать свое поведение на этот случай.

– Нашла! – довольная Лена взяла из блокнота потертый на сгибах небольшой листик в клеточку, на котором было написано несколько телефонных номеров.

Я опустила глаза вниз, чтобы спрятать растерянность. Моя сигарета уже кончилась, я положила окурочек в пепельницу и потянулась за следующей. Теперь я стала понимать Маринку, курившую одну за другой, пока не было ее Миши. Переживания требуют табачного дыма.

– Много куришь! – сказала Лена. – Морщины появятся. – И начала размышлять вслух: – Домой я ей звонить не буду, все равно ее там нет...

– Почему?

Я, думая об истинной причине отсутствия Инги, потрясенно уставилась на Лену.

– По средам, да еще в середине дня? Вряд ли. Скорее всего она по этому номеру...

Лена набрала номер и, послушав длинные гудки, положила трубку.

– Куда-то делась... – задумчиво пояснила она.

– Куда ты звонила? – я с интересом посмотрела на лист, который Лена держала перед собой.

– Туда, на место, так сказать, работы... Она дала мне как-то номерок. Говорит: скучно будет, звякни. Вот я и звякнула, а что толку? – Не дождавшись реакции на звонок, Лена положила лист с записанным номером обратно в блокнот, а сам блокнот ловко сунула на место, куда-то вглубь стопки с журналами.

В этот момент с кухни послышался легкий свист.

– А! Про чайник совсем забыла... – Лена встала и побрела на кухню. Пока ее не было, я развернула к себе телефон и нажала на кнопку «Redial». На экране высветился набранный последним номер. Опустив руку в сумку, я, подобрав с ее дна авторучку, записала номер прямо на конверте Бугаевского.

Вернулась с чайником Лена.

– Тебе помочь? – я привстала с табурета.

– Сиди уж. Пару чашек-то принести у меня и у самой получится.

После неторопливого чаепития я, поняв, что ничего нового уже не узнаю, взглянула на часы:

– Ого! Уже шестой час!

Пока у меня никаких дел не было запланировано на вечер, но, честно говоря, Лена стала уже немного утомлять.

«Да и хватит, наверное, задерживаться для первого дня знакомства! – подумала я. – Пора и честь знать».

– Ну если вы больше ничего не хотите! – улыбнулась Лена.

– Спасибо, все было очень вкусно! – в тональность ей ответила я и добавила: – Ты звони!

– Сделаешь мне рекламу как самой классной официантки в Тарасове?

– Нет, – рассмеялась я, – может, сходим куда-нибудь! Но только не в твое кафе!

Глава 4

Выйдя от Лены, я пошла по направлению к скверику, расположенному неподалеку. Пройдя мимо нескольких лавочек, занятых молодыми мамашами с детьми или молодыми парочками, я присела на пустую лавочку, положила сумку к себе на колени и расстегнула ее.

Не вынимая из сумки конверт, отданный мне Бугаевским, я открыла его и посмотрела на содержимое. Все правильно: в конверте лежала пачка стодолларовых купюр.

– Примерно тысяч десять будет, – шепотом сказала я сама себе, закрыла конверт, затем сумку и задумалась о том, что же мне делать дальше.

Как я поняла из слов Лены, Инга «доила» своих клиентов, а судя по величине суммы, которую мне передал Бугаевский и по его словам, дело пахло шантажом. Только пока мне не был ясен механизм этого...

Узнав о фокусе Инги с Бугаевским, я уже не была так уверена, что смерти ей желал только ее муж. Похоже, желающие уже могли составить небольшую очередь. Если, конечно, Инга давно развернула свою деятельность и Бугаевский не был ее самой первой жертвой.

«Лена сказала, что она не платила уголовному боссу, – вспомнила я, – пока он узнал о ней, пока договорился, время и прошло. Это может означать, что работает она давненько».

Я пожалела, что не спросила Лену, откуда ее Колян узнал про Ингины дела.

Одно было ясно: если Бугаевский платит, то очень маловероятно, что он убийца.

Я встала с лавочки и пошла в сторону «Салют-банка». Решение возникло сразу, четкое и определенное.

Центр города тем и хорош, что здесь до любого значимого места буквально рукой подать.

Помпезное здание «Салют-банка», из темного стекла и белого металла, стояло на улице Волжской, напротив ресторана «Спутник».

Пройдя сквозь высокую дверь банка, я, миновав вход в операционный зал, поднялась на второй этаж. Здесь располагались кабинеты руководства. Я это знала, хотя самой в них еще не приходилось бывать. Счет редакции открывал Сергей Иванович, а у меня в тот день были какие-то другие дела. На втором этаже, сразу же слева за загородкой темного дерева, на меня вежливо взглянул второй охранник. Первого я заметила еще у парадных дверей банка. Этот же, совсем молоденький мальчик, был одет в скромный серый костюм. Из нагрудного кармана пиджака выглядывал уголок платочка под цвет галстуку. Охранник перекрывал проход в длинный коридор, где располагались кабинеты руководства банка.

– Мне нужно пройти к Бугаевскому, – сказала я охраннику.

– Вам назначено? – вежливо осведомился он и потянулся к телефону, лежащему перед ним.

– Нет, но он примет меня, – ответила я и, видя оправданно скептическое отношение этого серьезного мальчугана, достала из сумки визитную карточку Бугаевского и надела на ней: 15-00.

– Вы сможете ему передать? – спросила я, протягивая охраннику визитку.

Тот взял, посмотрел сначала на меня, затем на карточку, пожал плечами и, подумав, осторожно ответил:

– Я слышал, он на совещании. Вам срочно?

Я кивнула.

Охранник позвонил по телефону и пригласил к себе какую-то Катю. Через минуту в конце коридора показалась пигалица в мини и с пошлой химией на голове. Ленивой походкой она подошла, лениво выслушала слова охранника, лениво посмотрела на меня своими размазанными глазками.

– Ну, не зна-аю... – подчеркивая свою значительность и мою ничтожность в этом коридоре, протянула пигалица и все так же лениво удалилась.

Охранник пожал плечами:

– Ждите!

А вот ждать-то мне и не пришлось. Пигалица вынырнула опять и, чуть ли не подбежав ко мне, запыхавшимся от рвения голосом проговорила:

– Пройдите за мной, пожалуйста!

При этом она внимательно осматривала меня, и в глубине ее глазок таилось подлинное недоумение. А как ей еще оставалось относиться к женщине, которую шеф согласился немедленно принять?

Катя ввела меня в просторную приемную. Там за столами сидели двое – мужчина и женщина, – оба примерно лет тридцати. Они без интереса взглянули на нас. Женщина равнодушно произнесла:

– Пройдите, пожалуйста! – и показала на темную деревянную дверь с блестящими металлическими ручками.

Я вошла. Кабинет начинался за второй дверью, после миниатюрного тамбура. В глубине кабинета за темно-зеленым столом сидел Бугаевский и разговаривал по телефону. Посмотрев на меня без радости, он сделал приглашающий жест рукой и, пока я подходила, закончил разговаривать.

– Это – не по правилам! – резко высказал он и вдруг замолчал, прервав самого себя на полупhrазе.

Я хотела объяснить ему свое появление, но Бугаевский, приложив палец к губам, сделал знак замолчать. Он вскочил с кресла и поманил меня за собой. Подойдя к встроенному шкафу, он открыл его дверь, и за ним оказался проход в другое помещение. Он прошел первым, я – за ним.

Войдя, мы оказались в большом белом зале, украшенном только несколькими постерами на стенах. Постеры – это такие напечатанные типографским способом красивенькие картинки в рамочках. Дерьмо, одним словом. Мне как-то предлагали целый набор для редакции, я отвергла это предложение.

Посередине комнаты стоял овальный стол и вокруг него десять кресел.

– Это наш конференц-зал, – своим брюзгливым тоном нехотя пояснил Бугаевский. Аккуратно прикрыв за мной дверь, он пожевал губами и монотонно добавил: – Здесь постоянно проверяют на жучки и так далее. Что вы хотите?

– Мне нужно с вами поговорить! – твердо произнесла я.

Бугаевский смотрел на меня и молчал.

– Предложите мне сесть или как? – уже раздражаясь, спросила я.

– Поговорить – это больше пяти минут? – уточнил Бугаевский.

– Наверное, – кивнула я, – дело в том, что я принесла тот конверт и...

– Чш-ш-ш! – брызгая слюной, зашипел на меня Бугаевский. – К чертям! Едем ко мне домой!

Он резко развернулся и вышел обратно в кабинет. Немного озадаченная таким поведением, я последовала за ним.

Заказав по селектору машину, Бугаевский проверил порядок на столе, взял под мышку знакомую папку и, пронзив меня взглядом, сказал:

– В машине, если очень захочется что-то сказать, очень прошу вас, говорите о погоде. Хорошо?

Я кивнула. Вот так наша обычная жизнь и превращается в обычное кино.

Секретарь доложила, что машина ждет, и я быстрой походкой пошла за Бугаевским, который мчался впереди по коридорам и лестницам, как будто опаздывал как минимум на совеща-

ние в администрацию президента. Не задерживаясь по пути и едва кивая встречным сотрудникам, Бугаевский вышел на улицу и направился к черному «Мерседесу-520», стоящему перед входом в банк. Он затормозил свое движение только около самой машины, оглянулся на меня, следующую за ним почти бегом, и, хмыкнув, открыл заднюю дверцу «Мерседеса».

– Прощу вас! – четко выговорил он и посмотрел поверх моей головы.

Было ясно, что сейчас он играл в милорда не для меня, а для провожающих его взглядами сотрудников банка и охраны.

Я это сразу поняла и молча села на заднее сиденье машины. С тяжким вздохом Бугаевский протиснулся туда же и, хлопнув дверцей, нервно бросил:

– Домой, Олег.

За всю дорогу не получилось даже легкой беседы о погоде: не хотелось говорить обоим.

Бугаевский жил за городом в поселке, сплошь состоящем из недавно построенных особняков. В народе это место называлось «Поле чудес». Я еще здесь ни разу не была и с любопытством осматривала окрестности, когда мы проезжали мимо разнотильных домов. Трехэтажный дом Бугаевского ничем особенным не отличался от таких же соседних домов, ни размером, ни навороченностью. Хотя все-таки одно отличие было: за высоким кованым забором его особняка не было видно собаки.

«Мерседес» остановился напротив калитки, и Бугаевский, позвонив по сотовому телефону, облегченно вздохнул и вышел из машины.

– Прощу вас, – процедил он мне, глядя прямо в глаза.

Я не сумела выдержать этот убойный взгляд и, наклонив голову, вышла.

– Подожди! – бросил Бугаевский шоферу и, хлопнув дверцей, направился к калитке.

* * *

Мы сидели в кабинете Бугаевского. Я на черном кожаном диванчике, сам хозяин в кресле. Конверт с деньгами Бугаевский крепко держал в руке и молчал, обдумывая услышанное. Я курила и тоже молчала: ждала его реакции. После того как Петр Аркадьевич обежал весь свой дом и убедился, что, кроме нас двоих, там никого нет, он провел меня в кабинет и разродился целой укоризненной речью, не давая вставить даже слово. Мне наконец надоело выслушивать от него всякие гадости, и я даже прикрикнула. И когда он, замолчав, изумленно вытаращился на меня, я получила возможность объяснить смысл своего визита.

Отдав Бугаевскому конверт, я рассказала ему все без утайки, потому что только это давало какой-то шанс получить себе союзника в том мутном деле, какое я затеяла.

– Скверно, – произнес наконец Петр Аркадьевич и тяжело вздохнул. Он достал из кармана платочек и вытер вспотевший лоб.

– Да, плохо, – согласилась я.

Бугаевский досадливо посмотрел на меня:

– Я ожидал, что для меня этой суммой все не закончится, но такое развитие событий еще хуже. Появляется новый неизвестный человек с неизвестными целями. Я, разумеется, понимаю, что у Инги я был не один, следовательно, она должна была иметь целый архив компромата, как на меня, так и на... – тут Бугаевский неожиданно рассмеялся, встал с кресла, подошел к высокому шкафу и, приоткрыв его стеклянную дверцу, вынул оттуда две золоченые рюмки, – так и на моих коллег, – закончил он.

Рюмки Бугаевский поставил на стол и из ящика этого же стола достал плоскую бутылку.

– Коньяк будете, Ольга? – предложил он.

Я помедлила и пожала плечами. Бугаевский налил обе рюмки и подал одну мне.

– Спасибо.

Выпив, Бугаевский налил себе еще. Я же, отпив глоток, отставила рюмку на подлокотник дивана и взяла сигарету.

– Никак я не мог ожидать того, что обстоятельства посадят нас с вами в одну лодку... – произнес наконец Петр Аркадьевич и, подойдя ко мне, сел рядом на диван.

«Неужели сейчас начнет приставать?» – подумала я.

– Мне нужны эти видеозаписи, – продолжил он, – у меня очень удачный брак, с точки зрения вложения, конечно...

– Как это?

– Как оно обычно и бывает, – грустно глядя на меня, пояснил Бугаевский, – мой тесть – весьма заметная личность в финансовом мире. Я – не альфонс! – С видимой напыщенностью продекларировал Бугаевский. – Я очень много работал, но без связей, без хорошего начального пинка подняться трудно. Брак с Надей и стал для меня этим пинком. Если бы она узнала про мои дела на стороне, брак бы распался. Тесть постарался бы раздавить меня. И, будьте уверены, он бы добился своего. И вот сейчас мне ничего не остается делать, как просить вас не бросать ваше расследование. Вы хотите помочь своей подруге, а мне нужны только кассеты...

В это время послышались быстрые шаги, и дверь в кабинет распахнулась. Вошла женщина. Ей было приблизительно тридцать пять – сорок лет, темная шатенка, коротко стриженная «под мальчика». Она производила впечатление спортсменки своими порывистыми движениями. Чуть подведенные карие глаза – пронизательные и умные. Одета она была в светло-зеленое короткое платье и зеленые туфли. На шее – тонкая цепочка, на пальцах – два перстня.

– Извините, – произнесла она негромким, чуть хриловатым голосом, – Олег сказал мне, что ты приехал с дамой, я подумала, что это кто-то из моих знакомых...

Женщина окинула меня быстрым взглядом.

– Здравствуй, Лиза, – Бугаевский подошел к ней и, наклонившись, поцеловал ее в щеку, – мы с Ольгой обсуждаем один общий деловой вопрос, через десять минут я освобожусь.

– Здравствуйте, – весело поздоровалась она и повернулась ко мне. – Вы не останетесь на ужин, Ольга? – спросила Лиза. – Я принесла чудный торт-бизе...

– К сожалению... – я посмотрела на Петра Аркадьевича, ожидая от него помощи, и она не задержалась.

– Ольга сегодня приглашена на презентацию в «Метеор-клуб», – выручил меня Бугаевский.

– Жаль! Тогда в следующий раз, – непринужденно закончила Лиза, кивнула и вышла, прикрыв за собою дверь.

– Какая у вас демократически настроенная жена, – оценила я Лизу.

Бугаевский немного помолчал, но затем нашел необходимым пояснить:

– Супруга у меня сейчас в Монако, уехала отдыхать со своим братом. А Лиза, Елизавета Петровна, – старинная приятельница. Можно сказать – член семьи. Мы уж лет двенадцать дружим...

Я только брови приподняла и промолчала. Хотя, если честно, меня немножко удивило это его сообщение.

Бугаевский продолжил разговор:

– Значит, мы договорились, да? Вы ведете расследование, я со своей стороны помогаю, чем могу.

– Так получается, – согласилась я и добавила: – Тогда мне хотелось бы знать адрес квартиры, где вы встречались с Ингой, и еще: не осталось ли у вас ключей...

Бугаевский взглянул на меня, почесал затылок и принужденно улыбнулся.

– Да, конечно, – сказал он и встал.

Подойдя к письменному столу, Петр Аркадьевич написал несколько слов на маленьком листке для записей.

– Адрес, – тихо сказал он, протягивая лист.

Потом взял второй листок и начал писать на нем.

– Все мои телефоны. Последний номер – моего сотового. Я его только в ванну не беру с собой...

Отдав мне все это, он негромко сказал:

– Ключей от квартиры у меня и не было никогда. А вот познакомился я с Ингой на презентации в том же «Метеор-клубе».

– Кто вас познакомил? – сразу же заинтересовалась я этой информацией.

– А никто, – пожал плечами Бугаевский, – сами как-то сумели, без посредников. Но персонал ее там знал. И с девочками из кордебалета она была знакома. Я заметил, как она разговаривала с ними. Дружески, можно сказать. Ну, а затем все пошло по закономерному пути. Встречались, катались и прочее. Все было хорошо, но вот, на прошлой неделе, Инга сказала мне, что ей нужно уехать. Мы попрощались... – Петр Аркадьевич вздохнул и нахмурился, – а в понедельник раздался этот звонок прямо домой. Меня как оглушило. Я, честно говоря, думал, что в кафе я увижу Ингу. Я был готов ей высказать много чего интересного... А сейчас, когда я увидел Лизу, то так растерялся, что и ляпнул про «Метеор-клуб», совершенно не подумав. Может быть, сегодня там как раз и нет никакой презентации... – Бугаевский нервно почесал левую кисть руки.

– А была пленка-то? – спросила я. – Может быть, вас просто напугали?

– На понт взяли? – усмехнулся Бугаевский. – Хорошо бы так... После звонка посыльный пришел – так, обычный мальчишка... Короче, видел я пленочку, и приятного мало... Да...

– Не волнуйтесь вы так, – спокойно произнесла я, – кстати, голос, который приглашал вас в «Фил френд», не был похож на голос Инги?

– Мне он показался каким-то ненатуральным... Знаете, вот если платок положить на мембрану, то ваш собеседник не сразу сможет вас узнать, даже если вы вместе прожили не один год... Со мной жена как-то раз пошутила таким образом, – как-то мечтательно проговорил он.

– А вы могли вызвать Ингу, если было срочно нужно? Телефончик, например...

– Нет, да и зачем? – недоумевал Петр Аркадьевич. – Мы всегда сразу договаривались о новой встрече, и у нее были все мои телефоны... Вот как у вас сейчас...

Бугаевский начал проявлять признаки нетерпения, и я, поставив рюмку с коньяком на стол, стала прощаться.

– Пойдемте, – открыл дверь Бугаевский, – я скажу Олегу, чтобы он вас довез до дома.

– Кстати, – остановившись в дверях, я чуть не хлопнула себя по лбу, – на конверте я записала нужный мне телефон.

Бугаевский, подойдя к столу, взял в руку конверт, убедился, что он пустой, и отдал мне.

– Спасибо, – я положила его в сумку.

Пока мы шли до машины, то никого по пути не встретили. Причем, как я заметила, оба испытали от этого облегчение.

Выслушав приказ хозяина, шофер кивнул, завел мотор и начал выводить машину из поселка.

– Куда едем? – спросил он у меня.

Я вспомнила про Маринкин метод отрываться от слежки, потом подумала, что пересаживаться после «Мерседеса» в трамвай будет таким непосильным подвигом для меня...

Вздохнув, я решилась и назвала шоферу свой настоящий адрес. В конце концов, кому-то же нужно доверять в этом мире!

А сиденья в «мерсе» такие классные...

* * *

Отпирая входную дверь своей квартиры, я думала только о ванне и постели. Войдя и прикрыв за собой дверь, я почувствовала, как на меня навалилась вся усталость дня. Скинула сабо и начала раздеваться прямо в коридоре. Всю одежду нужно было стирать: слишком много в ней пережито. Уронив на пол сумку, я, расстегнув пояс, сняла юб-ку, перекинула ее на руку и развязала узел блузки.

«Только бы хватило воли принять душ», – вот и все, что я подумала, и поплелась к ванной.

У меня болело все. Болели плечи, ноги, руки. На левом плече наливался сочной синевой классный синяк от отпечатков четырех пальцев громилы по кличке Сырок.

Бросив свои тряпочки в угол ванной комнаты, я открыла воду, и тут зазвонил телефон.

«Мне это надо?» – вяло подумала я. Кивнула в ответ и медленно потащилась обратно в коридор.

– Да! – усталым голосом произнесла я и присела на пол: стоять уже не могла.

– Оля, это ты? – раздался в трубке робкий голос Маринки.

– Ага, – пришлось мне в этом признаться, и я сразу же спросила: – Как у тебя?

– Все нормально, а у тебя новости есть? – осторожно спросила она.

– Не-а, – ответила я, – тебя никто не спрашивал. Никому ты, мать, не нужна.

– И слава богу! – быстро отозвалась Маринка и попыталась начать пересказывать ненужные деревенские новости: – А мы тут...

– Маринка! – не выдержала и взмолилась я. – Я только что пришла, только что собралась в ванную. Звони завтра, ладно?

– Ладно! А почему ты таким странным голосом говоришь? Что-то случилось?

От Маринки не удавалось избавиться еще добрых пять минут, когда же наконец я положила трубку, то почувствовала себя еще более уставшей, чем была.

С трудом поднявшись с пола, я протянула руку к телефону, чтобы отключить его и больше не дергаться, но он тут же снова зазвонил. Посмотрела с ненавистью на своего нового врага и взяла трубку.

– Да! – почти выкрикнула я.

– Виктор, нормально, – услышала я краткий доклад, сделанный четким голосом Виктора, – нормально? – спросил он меня про мои дела и, получив ответ, повесил трубку.

Тут-то я быстренько и выдернула телефонный шнур из розетки и зашлепала в ванную. День наконец-то заканчивался...

Глава 5

Утром меня ждал махонький сюрпризец. Совсем махонький, и ждал он меня сразу же у подъезда.

Я выскочила из квартиры с опозданием на целых полчаса. Хотя я и сама себе начальник, но с разгильдяйства обычно и начинаются все неприятности. Как в случае с Маринкой, например.

Я вылетела на улицу и на ходу вежливо поздоровалась с Матвеевной, нашей соседкой с первого этажа.

Матвеевна давно уже была пенсионеркой, и все ее развлечения состояли в коллекционировании новостей.

Она уже сидела на своем посту на лавочке и посматривала по сторонам. Матвеевна иногда удивляла меня поразительным знанием таких дел и обстоятельств, которые ей просто ну никак не должны были быть известны. Когда я организовала газету, первой об этом узнала, разумеется, Матвеевна, и очень громогласно меня окликнула. Маринка потом клялась, что она никому ничего не говорила, я про себя была уверена в том же. Однако результат, как говорится, налицо.

Феномен, одним словом.

Поэтому я всегда старалась поддерживать с нею хорошие отношения.

– О-оль! – окликнула меня Матвеевна.

Я затормозила и оглянулась.

– А тебя вчера тут спрашивали... – дoloжила Матвеевна.

Сердечко у меня так и екнуло. Даже затылок вспотел от испуга. Ну о чем я могла подумать? О милиции, конечно.

Я постаралась прикинуться равнодушной и спросила безразличным, как мне показалось, тоном:

– А кто спрашивал-то, Анна Матвеевна?

– А я знаю? Баба какая-то, – ответила она, и я удивилась: что за чудеса? Все мои знакомые прекрасно знают, где я живу.

– И что она хотела? – угораздило же Матвеевну так не вовремя развлекать себя разговорами!

– Я и говорю: тебя спрашивала. Где живешь, где работаешь. Из этих, видать, из богатых. На машине иностранной приехала... номер простой какой-то... а я чтой-то и не запомнила...

Я ничего не понимала. Какая машина? Какая баба?

– Не знаю такую... – сказала я. – А как она выглядела?

– Да как... обычно, вот как! Волосы белые, длинные, очки большущие нацепила, темные, будто видно в них что-то... Машиной сама управляла... Не наша машина, серая такая, блестящая...

– Ну вы сказали, где я живу?

– Нет, Оля, не сказала, – Матвеевна посмотрела на меня с хитрецей, – если ты не знаешь, кто это, зачем же я буду говорить?..

Я пошла дальше к остановке уже не так быстро, как собиралась. Женщину я не знала, но, как мне показалось, я ее могла раньше видеть. Вчера в баре была одна такая подозрительная дамочка, тоже в очках, то-же блондинка. А насчет машины... Я четко вспомнила, что во время моей вчерашней встречи с бандитом по кличке Сырок серая иномарка действительно стояла в отдалении на улице...

На работу к себе я приехала, опоздав почти на час. Но это было не страшно. Зато выпалась и с Матвеевной поговорила.

Дома я не успела толком наложить макияж и сейчас, приехав, первым делом – поставив бутылку с фантой, купленную по дороге, в холодильник, – села за стол и разложила свое косметическое хозяйство: нужно было срочно подправить красоту свою нетленную.

Когда уже заканчивала, в дверь постучали.

– Да-да! Входите, пожалуйста! – крикнула я, убирая со стола все лишнее.

В кабинет зашел Ромка. Из-за отсутствия Маринки он стажировался в секретарях. Это дело у него получалось, а вот кофе на всех теперь должна буду готовить я. Наверное. Будем надеяться, что его можно будет, по крайней мере, пить. Все равно таким, как у Маринки, у меня он никогда не получится. Но сегодня кофе приготовил Ромка и сейчас, открыв дверь ногой и плечом, протиснулся в кабинет вместе с подносом.

– Рома, Рома, – я быстро вышла из-за стола и взяла у него поднос с чашками и сахарницей, – спасибо, дорогой, но давай договоримся: пока Маринки нет, кофе варю я. Ладно?

– Ладно, – пожал плечами Ромка и вдруг сказал поразительную вещь: – А вы уверены, что у вас получится, Ольга Юрьевна?

Если бы он сейчас объяснился мне в любви, я бы просто удивилась, а тут я была потрясена.

– Почему ты об этом спрашиваешь? – осторожно спросила я, старательно скрывая свое замешательство. Я налила себе кофе и положила в него сахар.

– Вы же этим не занимались, а я почти всегда сидел рядом с Мариной, когда она делала кофе.

– Ты думаешь, что научился вприглядку? – уточнила я и отпила глоточек кофе. Потом еще глоточек. Пришлось признать, что Рома действительно что-то умеет.

Я подняла глаза и сказала:

– Ты знаешь, Рома, я заранее огорчилась, что мне при моей занятости придется еще заниматься и кофе. Я даже распланировала, что мой рабочий день из-за этого продлится на целый час...

– Вы не волнуйтесь, пожалуйста, Ольга Юрьевна, – спокойно прервал меня этот паршивец, – я буду все делать сам.

Полчаса после этого прошло в покое и одиночестве, и тут дверь кабинета отворилась снова.

– К вам пришли, Ольга Юрьевна, – доложил Ромка и застыл, ожидая моего решения.

Нужно будет сказать Ромке, чтобы он спрашивал у посетителей хотя бы их имя.

– Приглашай, Рома, – кивнула я.

В кабинет вошел мужчина. Приятный молодой человек, приблизительно мой ровесник, с щегольскими усиками. Они смотрелись немного легкомысленно, но не портили его. Однако этот мужчина вряд ли нес с собой удачу. Он был одет в форму старшего лейтенанта милиции.

– Здравствуйте, – я церемонно поздоровалась и постаралась, чтобы мой голос прозвучал спокойно, – вы нам принесли статью или у вас другое дело?

– Здравсьте, наверно, да, – проговорил милиционер и, прикрыв дверь за собой, прошел в кабинет.

Милиционер пододвинул стул для клиентов ближе к столу и сел на него.

– Мне нужна Марина Широкова, ваш секретарь, – сказал он, – там, – он показал пальцем через плечо, что должно было означать «в приемной», – мне сказали, что она уехала...

– Да, Марина сейчас в отпуске. Я главный редактор газеты Бойкова Ольга Юрьевна, – ответила я и протянула ему свою визитку.

– Я Смирнов Алексей Иванович, следователь из РОВД, – ответил старший лейтенант, взяв в руки визитку и читая ее.

– Очень приятно, а в чем, собственно, дело? – Я, чтобы создать паузу и дать возможность Смирнову объяснить цель визита, опустила руку в ящик стола и достала оттуда пачку сигарет

«Русский стиль». Не поднимая руки, убедилась, что пальцы не дрожат, и только тогда положила пачку на стол и начала ее открывать.

– Мне вообще-то нужна Широкова, – настойчиво повторил Смирнов, – она уехала в отпуск или находится дома? Вы не в курсе случайно?

– Случайно в курсе, – ответила я и достала сигарету из пачки.

Смирнов тут же протянул зажигалку.

– Спасибо... Марина уехала в деревню. У нее заболела тетка, и она отпросилась ее навестить... А вы, простите, интересуетесь ею по долгу службы или... – я нарочно замолчала и посмотрела на молодого следователя.

«Приятный мальчик. Но такие молодые не должны быть следователями, – подумала я, – для него важна карьера, а жизни он совсем не видел!»

Смирнов помолчал и, игнорируя мой вопрос, уточнил:

– С какого числа она в отпуске?

– С позавчерашнего дня.

– То есть уже позавчера утром ее на работе не было, правильно?

– Нет, неправильно, – возразила я.

Я уже думала об ответе на этот вопрос. Конечно, было бы лучше сказать, что Маринка уехала рано утром, но ее видело много народу именно позавчера, и, вообще, чем больше врешь в таких делах, тем хуже. Я не помнила, откуда я подхватила такую ценную мысль, но мне она показалась очень умной.

Значит, сама придумала, не иначе.

– Она уехала после обеда, не скажу в какое время, но то, что после обеда, это точно... Вы не объяснили мне причину... – напомнила я.

– Тогда объясняю, – ответил Смирнов, выкладывая из кармана блокнот и раскрывая его, – позавчера вечером в своей квартире была убита женщина. Кумарцева Инга Евгеньевна, двадцати пяти лет. Рядом с ней на полу лежала бумажка, на которой была написана фамилия вашей сотрудницы и телефон. Кстати, а где вы были в момент убийства?

– Я? – я удивленно посмотрела на него и вдруг поняла, что передо мною раскрылась ловушка. Выпустив сигаретный дым, я спросила: – А во сколько это произошло, я прослушала?

Смирнов не опустил глаза и спокойно уточнил:

– Приблизительно в полпятого-полшестого вечера.

Я опять дала паузу, словно вспоминая, хотя просто сдерживала себя, чтобы не вскричать: на работе, вот где!

– На работе, здесь и была.

– То есть персонал редакции сможет это подтвердить, я правильно понимаю?

– Совершенно правильно.

К этому вопросу Смирнов больше не возвращался. Скорее всего он уже получил сведения на сей счет из каких-то других источников.

– Где отдыхает ваш секретарь? – продолжил Смирнов расспросы.

– В Ивантеевке, – раздражаясь поведением этого щенка, резко ответила я, – вы объясните, наконец, в чем дело? Я ничего не понимаю в преступлениях, слава богу, но бумажка с записанными данными не может быть достаточной уликой для обвинения, ведь верно? А если бы эта... Кумарцева, вы сказали? Если бы она записала для памяти фамилию президента Гвинеи-Бисау? Вы бы отправились к нему?

Смирнов впервые проявил некоторую неуверенность. Он поерзал на стуле.

– Понимаете, – начал он, – примерно через несколько минут после убийства из дома вышла женщина, похожая по описанию на вашего секретаря...

«Еще одна ловушка!» – подумала я, а вслух ехидно спросила:

– Вы говорите: что через несколько минут после убийства между половиной пятого и половиной шестого вечера. Так, значит, в тридцать пять минут шестого или пятого, я не поняла?

– Одним словом, – сказал Смирнов, видимо устав от моего любезного тона, – нам очень хотелось бы видеть Марину Широкову. Как ей позвонить?

Я задумалась: а действительно – как? Мы с Маринкой об этом не договорились, а помнится мне, она рассказывала когда-то, что телефон в деревушке был, но один, да и тот работал по настроению...

Пожав плечами, я так и объяснила дотошному следователю.

Про вчерашний Маринкин звонок я умолчала, решив, что ему это знать ни к чему.

Задав еще несколько вопросов и окончательно сбавив прыть, Смирнов поднялся. И это было очень вовремя, кстати, потому что я сама испытывала желание прогуляться по некоторым делам. Но ему же этого не объяснишь.

– Если позвонит Широкова, сообщите ей, пожалуйста, что я хотел бы с ней увидеться... Вот мой телефончик.

И он протянул мне листочек с написанным номером.

«Заранее, наверно, пишет, чтобы всегда были под рукой», – подумала я, а сказала весьма любезным голосом:

– Непременно, – и взяла в руки металлический поднос с кофейными чашками, показывая, что у меня есть еще дела помимо приятного общения с приятным молодым человеком.

Мы вышли вместе. Смирнов даже галантно предложил поднести поднос. Но я великодушно отказалась, проводив его до выхода, – просто это было по пути. Кивнув напоследок, я повернула за угол и направилась туда, куда мне было нужно. Посуду мыть то есть.

Когда я освободилась, приблизительно через десять минут, то на подходе к двери редакции я услышала какой-то громкий разговор.

«Мой бог! – подумала я. – Кого же еще черт принес? Только читателей с претензиями мне сейчас не хватало!»

Подумав и решив – разумеется, правильно, – что, кроме меня, никто из наших не сможет разобраться с напористыми хамами, – Маринки нет, а Виктор сидит у себя в каморке и до него далеко, – я быстро вывернула из-за поворота с подносом в руках и... и так же быстро спряталась обратно. За тот самый угол.

В раскрытой двери стоял знакомый мне бандитский шофер. Сергей, кажется. И этот шофер разговаривал с кем-то, находящимся в редакции.

Я прижалась спиной к стене и затаилась. Чашки на подносе противно зазвенели. Постаравшись расслабиться, я прислушалась...

– Ну нет ее, в натуре! – сказал шофер. – Пошли!

– Ольга Юрьевна будет только сегодня под вечер, – послышался спокойный голос Кряжимского, – и никак не раньше, она на совещании в администрации губернатора.

– И что делать будем? – услышав эту фразу, я вздрогнула, моментально узнав противный голос Сырка.

– А хер его знает... Может, в машине посидим? Подождем? – ответил ему шофер.

– Да, блин, ее, может, весь день ждать придется, тебе же говорят: под вечер!

– Не будем здесь светиться, как тополи на Плющихе! – настоял на своем шофер. – Вы передайте, пожалуйста, Ольге Юрьевне, что к ней приходили из концерна «ЖМБ». Про рекламу, короче.

– Конечно, передам, конечно, – услужливо пообещал Кряжимский.

– Ну пошли, что ли... – пробормотал Сырок.

Послышались быстрые шаги. Шаги приближались к моему углу. Я рефлексивно, инстинктивно, неосознанно выпрямилась, вжалась в стену и даже дышать перестала.

Из-за угла вынырнул Ромка и сразу же лбом наткнулся на меня. Поднос звякнул, чашки брякнули, а я едва не вскрикнула.

– Ольга Юрье... – зашептал мне Ромка.

Я быстро-быстро закивала ему и ответила тоже шепотом:

– Знаю, знаю, тише...

– Ага, – понятиливо отреагировал Ромка и джентльменски начал тянуть у меня поднос. Я, продолжая прислушиваться к звукам, доносившимся из-за угла, поднос не отдавала.

Я слышала, как братки дружно затопали к лестнице и начали спускаться по ней. Теперь уже я начала опасаться, как бы кто из них не захотел в туалет, но пронесло.

Когда их шаги затихли, я позволила себе немного расслабиться. В этот момент Ромка и выдернул у меня из рук поднос, но не рассчитал своих усилий. Поднос рухнул на пол со страшным звоном.

Мы оба застыли и вытаращились друг на друга. Но, судя по всему, пронесло и на этот раз.

Подождав для верности еще чуть-чуть, мы с Ромкой, собрав осколки, выкинули их здесь же в урну, а сами пошли в редакцию.

– К вам тут приходила делегация братков-гоблинов, – доложил мне Сергей Иванович, – они сказали, что из фирмы «МЖ».

– Спасибо, Сергей Иванович, я в курсе, – ответила я, вы меня здорово выручили.

Я вернулась в свой кабинет, первым делом схватив сигарету и прикурив ее.

Нужно было принимать решение. Какое – неизвестно, но то, что надо куда-то бежать, было ясно.

Открылась дверь, и вошел Ромка. Я устало посмотрела на него.

– К вам посетитель, Ольга Юрьевна, – сказал он и тут же добавил с виноватой улыбкой:

– Он видел, как вы прошли... Но мужик нормальный, не качок, это точно!

– Ну что ж, давай своего нормального мужика, но меня больше нет ни для кого незнакомого. Понял?

– Не вопрос, – солидно ответил Ромка и вышел.

Почти сразу же вошел посетитель. Раньше я его никогда не видела и не знала, кто это.

– Вы ко мне? – спросила я его, усаживаясь в свое кресло и пододвигая к себе ближе пепельницу.

– Д-да, – как-то неуверенно произнес он.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – я показала на стул, стоящий напротив меня. – Чем могу быть полезна?

Этот визитер внешне был довольно-таки красив и, значит, бабник. Высокий брюнет с голубыми глазами. Его лицо было приятно, но в его выражении как бы отсутствовало что-то. Возможно, оно мне показалось слишком женственным, что ли. Одет он был в цветастую рубашку и длинные шорты. Ненавижу мужчин в таких шортах, они все смотрятся в них как-то уродливо-карикатурно.

– Я бы хотел увидеть Марину Широкову, – сказал он, – она мне говорила, что если ее нет в приемной, то можно обратиться прямо к вам.

Слова были просты, но я чуть не вздрогнула, услышав их. День начался черт знает как! Следовательно, бандиты, теперь еще этот херувимчик! Нет, Маринке должно здорово икаться в ее гребаной Ивантеевке!..

Поняв мое молчание неправильно, посетитель пустился в объяснения.

– Я не хотел приходить. Но вчера я звонил сюда весь вечер и ее не было. Утром сегодня – тоже. Поэтому я решил приехать и узнать, может быть, с нею что-то случилось...

Он замолчал и уставился на меня, ожидая ответа.

– Марина в отпуске и появится не раньше чем через две недели. Могу ли я ее заменить? Хотя мне кажется, что дело у вас к ней скорее всего личного плана...

Мой собеседник выслушал все, что я ему сказала, с удивленным выражением на лице.
– Уехала? – повторил он со странной интонацией. – Давно?

Я вздохнула и немного нахмурилась. Не знаю, как другие, а я терпеть не могу неизвестности. Этот молодой человек, был, видно, настолько поглощен своими проблемами глобального характера, что забыл представиться. Я занудно намекнула ему на это упущение:

– Меня зовут Ольга Юрьевна...

– Я знаю, – сразу ответил он.

– А... – я сделала паузу и вопросительно взглянула на него.

– Извините, – сообразил мой симпатичный гость, – Михаил Степанович Кумарцев... я не представился...

«Ромео!» – внутренне вскричала я, но, разумеется, промолчала и только посмотрела на него внимательно, словно стараясь запомнить получше.

Взгляд мой был, наверное, настолько малоприветливым, что Михаил неуверенно поерзал на стуле, словно попытался сесть поудобней, и опустил вниз глаза.

– Она уехала к тетке в деревню, – сказала я и, не удержавшись, добавила: – Только что ко мне с визитом заходил следователь... Смирнов его фамилия...

Михаил поднял на меня погрустневшие глаза и тихо произнес:

– Да, вы уже знаете...

Я промолчала. Михаил не был похож на убийцу, хотя, с другой стороны, откуда я могла знать, что скрывается за этой мягкой внешностью? Самым неприятным было то, что Михаил говорил так мало и тихо, что я никак не могла сравнить его голос с тем, который я слышала во вторник.

Не дождавшись моей ответной реплики, Михаил начал говорить сам, и я получила возможность полноценно послушать его голос.

– Меня вызвали телеграммой... значит... я ездил в Москву... вот, – помолчав, он продолжил: – Смирнов, следователь, задавал мне разные вопросы... Там, рядом с Ингой, понимаете, нашли...

Он замялся, наверное, подумал, что знает страшный секрет, и я пришла ему на помощь:

– Нашли записку, в которой было написано имя Марины и номер рабочего телефона...

– Откуда вы знаете? – Михаил так удивился, что не проследил за своей реакцией и самым глупым образом открыл рот.

«Ну и вкусы у Маринки, – подумала я, – разве же это Ромео? И, кстати, голос похож, мне кажется...»

– Следователь сам и сказал мне, – пожала я плечами, продолжая вслушиваться.

– Да... он спрашивал, что это означает, чей почерк... Вот, собственно, о чем я и хотел поговорить с Мариной... Мы с Ингой собирались в Аргентину уезжать, – неожиданно выдал он, – но, если Марины нет... – Михаил встал.

Встала и я.

– И чей же почерк на записке? – спросила я его, пока он не удрал.

– Инги, чей же еще? – подавленно ответил он и зашагал к двери.

Я осталась стоять на месте и переваривала услышанное. Новость была интересна и двусмысленна. Даже весьма.

– Вы, пожалуйста, передайте Марине, если получится, конечно... – Михаил задержался у двери, и я изобразила на своем лице вежливое внимание.

– Что передать?

– Я бы хотел ее увидеть... – Помолчав, Михаил добавил совершенно не к месту: – Сегодня похороны...

Он повернулся, дернул за ручку двери и открыл ее. Я не стала смотреть, как он уходит, потому что меня посетила одна здравая мысль, и я нагнулась над нижним ящиком стола. В нем у меня лежали три визитницы.

Следуя своему грустному жизненному опыту, я достала самую нижнюю и открыла ее на последней странице. Как и ожидалось, визитка Фимы Резовского оказалась именно здесь. Я довольно усмехнулась своей предусмотрительности. Нужно было раз двадцать за последние несколько месяцев перерыть все визитницы и все двадцать раз обнаружить Фимину в конце последней, чтобы на двадцать первый раз наконец-то что-то понять в этой жизни.

Мой старинный приятель Ефим Григорьевич Резовский, или Фима, как я его обычно называю, работает адвокатом в конторе у своего папы, тоже адвоката. У нас с Фимой всегда были в общем-то отличные отношения. За многие годы знакомства даже выработалась особая манера общения с постоянными переходами с «ты» на «вы».

Иногда Фима оказывал мне юридические услуги, но к его помощи я обращалась не часто. Он был – как бы это сказать помягче – недостаточно молчалив, что ли, и вдобавок недостаточно тактичен с девушками, особенно когда рядом с ними не было охраны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.